

Евангелие от Матфея

Введение

Учительское Евангелие

Евангелие от Матфея называют «учительским Евангелием», поскольку материал в нем представлен таким образом, что его удобно использовать в процессе обучения. Возможно, именно по этой причине ранняя Церковь использовала его больше, чем остальные четыре Евангелия. В то время как Марк предлагает нам яркое и связанное повествование, Лука — тонкое исследование разговоров Иисуса с людьми, а Иоанн — подробный богословский портрет Христа, Матфей собирает истории и высказывания Иисуса, которые имели непосредственное отношение к актуальным проблемам жизни Церкви, и располагает их в таком порядке, чтобы ими мог пользоваться учитель. По всей видимости, сам Матфей был таким учителем, и в свое Евангелие он включил материал, который уже не раз представлял членам собственной церкви.

Очень четко выделяются пять «речей», или собраний поучений Христа, каждая из которых завершается формулой: «Когда Иисус окончил все слова сии...» или похожей фразой (формула, которая на греч. языке звучит гораздо более сильно, чем в русском переводе). Эти речи мы найдем в гл. 5–7, 10, 13, 18, 24 и 25. Все они, по-видимому, основываются на гораздо более коротких «обращениях», которые мы находим в других синоптических Евангелиях (Марка и Луки), и обнаруживают единую центральную мысль, вокруг которой и строятся. Многие из организованных таким образом высказываний содержатся и в других синоптических Евангелиях, что позволяет сказать: Матфей составил пять аккуратных «антологий» поучений Иисуса, касающихся определенных предметов.

И в этих речах, и в остальных местах Евангелия Матфей намеренно разбивает свое повествование на части, которые сравнительно легко запоминаются. Явными примерами служат три симметричных раздела генеалогии (1:1 — 17; обратите внимание на заключение в ст. 17), восемь заповедей блаженств (5:3—10; здесь — одинаковое заключение в первом и последнем стихах), шесть «антитез» (5:21—48; с повторением вводной формулы), три религиозных обряда (6:1—18; с практически одинаковой структурой, несмотря на большой объем раздела о молитве) и семь восклицаний «Горе вам...» в адрес книжников и фарисеев (23:13—36). Большие разделы также иногда имеют четкую внутреннюю структуру, как, например, повествование о чудесах в гл. 8, 9 или серия притч в гл. 13.

По сравнению с выразительной манерой повествования Марка, рассказ Матфея о делах и словах Христа может показаться довольно скучным. Хотя его Евангелие содержит более подробный материал, чем Евангелие от Марка, в тех моментах, когда они касаются одних и тех же событий, Матфей излагает их, как правило, в гораздо более лаконичной манере. Например, история, которая занимает у Марка всю гл. 5 (содержащую 43 стиха), составляет всего 16 стихов у Матфея. Он опускает яркие детали события и исключает все «лишнее» в рассказе, стараясь сосредоточить внимание на центральной идее. Но там, где основная мысль рассказа выражается в речах Иисуса, которые в него включены, Матфей, чаще всего сокращая рассказ в целом, приводит речи Христа в сравнительно полном виде (ср.: Мф. 8:5—13 и Лк. 7:1—10).

Такими способами Матфей формирует свое повествование, чтобы сделать его более доступным для учения в церкви. В таком качестве оно не потеряло своего значения до сих пор, и это может засвидетельствовать любой пастор.

Основные темы Евангелия

Иисус Мессия

Матфей пишет от лица иудея, который нашел во Христе исполнение самых сокровенных чаяний еврейского народа. «Исполнение» становится центральной темой Евангелия.

Наиболее явно она проявляется в повторяющемся утверждении: «Да сбудется реченное Господом через пророка» (1:22; 2:15,17,23; 4:14; 8:17; 12:17; 13:35; 21:4; 27:9), которое принимает разную форму, однако такие «формулы–цитаты», как их принято называть, служат отличительной чертой Евангелия от Матфея. Другие цитаты, которые не вводятся подобной формулой, также призваны усилить тот факт, что даже в деталях жизнь Иисуса вполне совпадала с тем, что было обещано в Писании, которое, в свою очередь, предстает в истинном свете. В Ветхом Завете мы находим довольно мало фрагментов, носящих откровенно «мессианский» характер, чаще мы встречаемся с некими неясными изречениями, некоторые из которых на первый взгляд вообще не имеют формы пророчества. Однако Матфей страстно ищет прообразы Божественного плана в Ветхом Завете и связывает их с «исполнением» во Христе.

Первые две главы Евангелия (в которых сосредоточено необычно много «формул–цитат») посвящены в первую очередь утверждению понимания Иисуса как Мессии Израиля на основании Писания. Цель Его прихода состоит в исполнении закона и пророков (5:17), и вторая часть гл. 5 объясняет, какое значение имеет это исполнение. Ряд указаний на Иисуса как на Того, Кто «больше» ключевых фигур и установлений Ветхого Завета, в гл. 12 (ст. 6,41,42) развивает доказательство исполнения Им не только отдельных пророчеств, но самого существа ветхозаветной жизни и религии. Таким образом, Матфей «утверждает» весь Ветхий Завет как основу для служения Христа.

Израиль и Церковь

Евангелие от Матфея по праву считается одной из самых иудейских книг в Новом Завете благодаря акценту на исполнении Ветхого Завета, частым упоминаниям о предметах раввинистических споров, скрытому предположению, что его читатели достаточно хорошо разбираются в вопросах иудейских обрядов, использованию характерной для иудаизма терминологии («Царство Небесное», «сын Давидов») и иногда встречающимся непереусленным арамейским словам. Только в Евангелии от Матфея служение Иисуса ограничивается «погибшими овцами дома Израилева» (10:6; 15:24), а авторитет иудейских учителей закона рассматривается вполне серьезно (23:3,23).

И в то же время именно это Евангелие истолковывается многими исследователями как вызов иудаизму. Оно объявляет иудейских учителей (в особенности фарисеев) лицемерами и слепыми поводырями и возвещает, что «отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» (21:43). Оно предсказывает, что неиудеи соберутся с востока и с запада на мессианский пир Израиля, в то время как (иудейские) «сыны царства» будут исторгнуты из него (8:11,12; ср.: 22:1–10). В нем Иисус провозглашает, что прегрешения народа Божьего достигли того предела, когда наказание должно пасть на это поколение людей, и проявится оно прежде всего в том, что иерусалимский Храм, символ присутствия Бога среди Своего народа, будет разрушен, так что не останется камня на камне. Только Матфей записывает ужасающий крик «всего народа» в 27:25: «Кровь Его на нас и на детях наших». Некоторые комментаторы даже решались заявить, что Матфей оставил всякую надежду на какой бы то ни было отклик израильского народа и призывал своих читателей посвятить все свое внимание благовестию среди других народов.

Несомненно, это наиболее иудейское Евангелие также пронизано твердой уверенностью в том, что отныне язычники становятся полноправными членами истинного народа Божьего. История с волхвами (2:1–12) содержит ясный намек на это, а по мере того как Иисус в ходе

повествования встречается с язычниками (8:5—13; 15:21—28), расширение границ Его служения становится все более очевидным. Поэтому неудивительно, что книга завершается призывом воскресшего Иисуса, обращенным к Его ученикам, идти и научить все народы.

Отношение «любви–ненависти» Матфея к Израилю — это вполне естественное чувство правоверного иудея, который нашел в Иисусе исполнение своих национальных идеалов и при этом понимает, что большая часть его народа отказывается признать это. В Евангелии от Матфея мы можем особенно ясно увидеть болезненное переживание Церковью необходимости оторваться от своих иудейских корней и занять позицию противника, а не родственника продолжающей жить иудейской традиции. Для Матфея это разделение было еще не окончательным, однако уже неизбежным, и его иудейская природа не позволяла принять этот факт бесстрастно. Он был вынужден богословски осмыслить его, и в своем Евангелии Матфей представляет яснее, чем в других Евангелиях, взгляд на Иисуса как на Того, Кто воплощает в Себе истинный Израиль, и на тех, кто откликнулся на Его призыв, как на истинный остаток народа Божьего, в котором исполняется Его вечный замысел. Истинный народ Божий, таким образом, определяется уже не национальностью, но верой в Иисуса Христа, которая в равной мере доступна для язычника, как и для иудея, и это мы видим на примере «веры» сотника из Капернаума (8:5–13). Весь Израиль составлял в ветхозаветные времена собрание (*ekklesia*) народа Божьего. Однако даже в то время Божественный замысел осуществлялся лишь через благочестивый «остаток», тогда как основная часть народа отпала от Господа. Теперь этот остаток сосредоточен в Церкви (*ekklesia*) Иисуса Христа (16:18). Сама *ekklesia* уже не определяется национальным признаком, но состоит из верующих любой национальности, которые крещены во имя Отца, Сына и Духа Святого и которые соблюдают все, о чем учил Иисус (28:19,20).

Иисус Царь

Евангелие начинается с генеалогии, которая указывает на Иисуса как на истинного царя из рода Давидова, в котором находит свое завершение вся цепь иудейских царей, и в 1:18—25 рассказывается об официальном «признании» Его Иосифом, также «сыном Давидовым» (20), что служит дополнительным подтверждением царского статуса Иисуса. Волхвы ищут Его именно как «Царя Иудейского» (2:2).

Однако из 22:41–45 мы понимаем, что роль Христа не ограничивается националистическими представлениями о «сыне Давидовом». Иисус пришел, чтобы провозгласить и установить Царство Божье, но при этом Сам Он выступает как Царь всей Вселенной. Только в этом Евангелии мы читаем о Царстве Сына Человеческого (13:41; 16:28; 19:28; 25:31–34), о котором говорится не менее возвышенно, чем в Ветхом Завете о Царстве Самого Бога. В начале служения Иисуса сатана предлагает Ему владычество над всем миром (4:8,9), но Иисус отвергает это предложение и, следуя по пути покорности Отцу, в конечном итоге получает право заявить: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (28:18). Удивительным образом, лишь пройдя через унижение на кресте как (свергнутый) «Царь Иудейский», Он обретает Свое истинное положение, положение Властителя неба и земли.

Неожиданный характер царского положения Иисуса раскрывается для нас в двух фразах, которые «обрамляют» Евангелие. Вначале Он называется именем «Еммануил», что означает «С нами Бог» (1:23), а в конце Сам Иисус провозглашает: «Я с вами во все дни до скончания века» (28:20). Так Матфей позволяет увидеть, что в своем служении Иисус не только выступает как истинный Мессия Израиля, но и намного превосходит эту роль.

Авторство и время написания

В ранней Церкви сложилось предание, согласно которому это Евангелие единодушно приписывали перу апостола Матфея, бывшего сборщика пошлин в Капернауме, о призвании которого в самом Евангелии говорится в 9:9 (Марк и Лука называют его Левием). В

соответствии с другой устойчивой традицией, полагали, что в оригинале оно было написано не на греч., а на древнеевр. или араб., языке. Оба этих утверждения ставятся под сомнение большинством современных ученых.

Язык Евангелия, в том виде, в котором оно дошло до нас, не производит впечатления «перевода с греческого языка», а его близость, с литературной точки зрения, к Евангелиям Марка и Луки (греческим) делают предположение об ином языке оригинала сомнительным. Возможно, что христиане первых веков н. э. были знакомы с некоей книгой, написанной на древнеевр. или араб. языке, которую традиционно связывали с именем евангелиста Матфея, однако, скорее всего, это было не то Евангелие, которое мы держим в руках. Папий, у которого содержится самое первое упоминание о сочинении Матфея, приписывает ему собрание «речений» на древнеевр. или араб. языке, и некоторые полагают, что речь здесь идет не о том Евангелии, которое нам знакомо, а об одном из его источников (возможно, источнике «Q», использованном, по убеждению некоторых исследователей, авторами Евангелий от Матфея и от Луки; см. более подробно об этом в разделе «Читая Евангелия»). Но замечание Папия слишком коротко, чтобы делать из него какие-то четкие выводы, и нам не знаком контекст, в котором оно было высказано.

Но если мы ставим под сомнение, что Евангелие от Матфея было написано на древнеевр. или араб. языке, то не отвергаем ли мы тем самым и другую часть предания ранней Церкви, а именно — тот факт, что его автором был действительно апостол Матфей? Не говорят ли слова Папия о том, что данная традиция сложилась в связи с текстом, отличным от интересующего нас Евангелия? Мы не можем с уверенностью ответить на эти вопросы, но раннехристианские авторы не предлагают нам никакой иной кандидатуры на роль его автора, и мы не вправе просто расценить рано сложившееся и единодушно принятое предание как неверное, если только сама книга не заставляет нас сделать такой вывод.

Однако традиционное решение вопроса об авторстве прекрасно согласуется с тем соображением, что для еврейского сборщика налогов было бы вполне естественно испытывать те противоречивые чувства по отношению к иудаизму, о которых было сказано выше. Кроме того, в силу своей профессии для сборщиков налогов было привычным делом вести разного рода записи и составлять документы, и Матфей вполне мог исполнять функции «секретаря» среди апостолов.

Впрочем, эти соображения не могут служить полноценным доказательством. Для первых христиан, чьи имена нам известны, факт написания Евангелия апостолом Матфеем не ставился под сомнение. Однако сам текст не говорит нам вполне определенно о том, кто был его автором, и этот вопрос остается открытым.

Вплоть до XIX в. сохранялось практически единодушное мнение, что Евангелие от Матфея было написано раньше других. По мере того как перевенство стали отдавать Евангелию от Марка, Евангелие от Матфея стали относить к более позднему времени, и теперь установилось мнение о его написании в последней четверти I в. Впрочем, в рамках обсуждения данного вопроса и время написания Евангелия от Марка, и построенная в связи с этим схема датировки, принятые современной наукой, все чаще ставятся под сомнение, и будет гораздо более правильно пытаться найти указания на время написания Евангелия в нем самом. (См.: в вводной статье «Читая Евангелия» раздел об изменении взгляда на литературное соотношение Евангелий от Матфея, Марка и Луки.)

Одной из основных тем Евангелия служит разрушение Иерусалима и его Храма в 70 г. н. э. Но об этом событии всегда говорится в будущем времени (что вполне естественно, так как о нем сообщает Христос). Отдельные комментаторы полагают, что некоторые языковые обороты (напр., в 22:6,7) отражают непосредственное знание Матфея об этом событии, а не просто о предсказании его Христом, и на этом основании говорят о написании Евангелия после 70 г. н. э. Другие указывают на тот факт, что подобные «точные» пророчества вообще характерны для Писания и что языковые особенности данного отрывка ничем не отличают его от похожих пророчеств в Ветхом Завете и в других местах, так что у нас нет оснований делать вывод, что он базируется на непосредственном знании о происшедшем событии. В Евангелии

от Матфея мы находим и другие указания на то, что Храм все еще находится в целости (5:23,24; 17:24–27; 23:16–22), и это не было вычеркнуто из текста, как, скорее всего, поступил бы автор, если бы писал свое произведение после 70 г.

Другие точки зрения основываются на выбранной общей схеме датировки написания новозаветных книг и развития отношений между христианами и иудеями. В таких случаях богословские аргументы отходят на второй план, и некоторые ученые выбирают начало 60–х гг. как наиболее удобную альтернативу распространенному представлению о том, что Евангелие было написано ок. 80 г. н. э.

Дополнительная литература

- Stott J. R. W. *The Message of the Sermon on the Mount*, BST (IVP, 1978).
France R. T. *Matthew*, TNTC (IVP/UK/Eerdmans, 1989).
France R. T. *Matthew: Evangelist and Teacher* (Paternoster/Zondervan, 1989).
Stanton G. N. *Interpretation of Matthew* (СПСК, 1983).

Краткое содержание

Структура Евангелия

Было высказано несколько мнений о структуре Евангелия от Матфея, но ни одно из них не получило всеобщего признания. Некоторые комментаторы рассматривают пять речей и их заключительные формулы в качестве «отметок», делая вывод, что Евангелие состоит из «пяти книг». Другие заявляют, что повторяющееся предложение «С того времени Иисус начал...» в 4:17 и 16:21 указывает на начало основных разделов повествования. Третьи говорят, что Евангелие имеет тот же общий план, что и Евангелие от Марка, где показано географическое перемещение от раннего служения в Галилее к заключительному противостоянию в Иерусалиме, и рассматривают эту особенность как принцип построения книги. Следующий далее общий обзор Евангелия принимает последний взгляд за основу, предполагая при этом, что ключевые моменты в 4:17 и 16:21 прекрасно вписываются в него. Более подробное членение текста производится в комментариях.

1:1–4:16 Появление Иисуса

1:1–17 Родословие Иисуса Мессии

1:18 — 2:23 Исполнение Писания в рождении и детстве Иисуса Мессии

3:1–17 Иоанн Креститель и Иисус

4:1–16 Искушение и подготовка

4:17–16:20 Общественное служение в Галилее и вокруг нее

4:17–25 Начало общественного служения

5:1 — 7:29 Первая беседа: ученичество

8:1 — 9:34 Чудеса, сотворенные Иисусом

9:35 — 10:42 Вторая беседа: служение апостолов

11:1 — 12:50 Разный отклик на общественное служение Иисуса

13:1–52 Третья беседа: учение Иисуса в притчах

13:53 — 16:20 Новые отклики на общественное служение Иисуса

16:21 — 18:35 Личное служение в Галилее; подготовка апостолов

16:21 — 17:27 Разъяснение миссии Иисуса

18:1–35 Четвертая беседа: отношения между апостолами

19:1–25:46 Служение в Иудее

19:1 — 20:34 На пути в Иерусалим

21:1–22 Вход в Иерусалим

21:23 — 23:39 Споры с иудейскими старейшинами
24:1 — 25:46 Пятая беседа: суд
26:1 — 28:20 Распятие и смерть Иисуса
26:1–46 Подготовка к крестным мукам
26:47 — 27:26 Арест и суд 27:27–56 Распятие Иисуса
27:57 — 28:20 Погребение, воскресение и великое поручение Иисуса

Комментарий

1:1 — 4:16 Появление Иисуса

Повествование об общественном служении и проповеди Иисуса начинается с Галилеи и постепенно перемещается к своему кульминационному моменту в Иерусалиме, после чего вновь возвращает нас в Галилею, где происходит торжественная заключительная сцена. Однако перед началом этой истории необходимо познакомиться с ее главным действующим лицом, и с этой целью автор предлагает нашему вниманию ряд событий, происходивших в основном на юге Израиля, после чего Иисус снова возвращается в Галилею (4:12). В этом возвращении, как и во всем, о чем говорится в этих вводных главах, Матфей усматривает исполнение Божьего замысла, раскрытого в Писании.

1:1—17 Родословие Иисуса Мессии (ср.: Лк. 3:23–38)

Современному читателю этот длинный список имен покажется не более чем скучным началом книги. Однако для Матфея и его современников в нем не было ничего, что могло бы вызвать скуку, весь он свидетельствовал о грядущем обетованном царе для Израиля. Слово *родословие* содержится в греческом названии Книги Бытие, так что читатель ожидает встретиться с неким новым началом. Список начинается с *Авраама* (персонажа Книги Бытие и патриарха, к которому восходит род Израиля), приводит к *Давиду* (первому истинному царю Израиля) и продолжается родом царей Иудеи до того момента, когда монархия прекратила свое существование с *переселением в Вавилон*. Разделение на три части по *четырнадцать родов* подчеркивает эти поворотные исторические моменты (а для читателей–иудеев это, возможно, еще более усиливается тем фактом, что три буквы древнеевр. алфавита, составлявшие имя Давид, в сумме равны четырнадцати!).

Бросающееся в глаза повторение слова *Христос* (1, 16, 17, 18) подчеркивает богословское значение данного списка. Современные читатели воспринимают слово «Христос» как своеобразную «фамилию» Иисуса, однако Матфей, несомненно, использует его здесь во всей силе его значения как титул «Мессии», истинного царя Израиля из рода Давидова, чей приход ожидался с таким нетерпением.

Имена, которые приводятся начиная с Авраама и заканчивая периодом изгнания, хорошо нам известны из Ветхого Завета, большинство же имен, перечисленных в третьей части, ни о чем нам не говорят. Лука приводит несколько иной список предков Иосифа (даже включая его отца). Возможно, Лука показывает нам «родословное древо биологических потомков, в то время как Матфей приводит официальный список наследников престола (это право не обязательно переходило от отца к сыну, но должно было оставаться в рамках одного рода). Основная цель этого родословия — показать право Иисуса (через Иосифа) на титул «Царя Иудейского».

Ст. 16 прямо говорит о том, что Иисус не был по крови сыном Иосифа (выражение *от Которой* стоит в женском роде). Поэтому следующий раздел призван подтвердить связь Иисуса с приведенным родословием.

Примечания. 3—6 Довольно необычно упоминание в родословии четырех женщин. Все они, очевидно, не были иудейками, и в каждом случае имело место необычное событие,

связанное с ними, даже скандал. Возможно, Матфей полагал, что рождение Иисуса от незамужней женщины невысокого социального статуса требует подтверждения Писанием. **8** Три иудейских царя (Охозия, Иоас, Амасия) пропущены (как и Иоаким в ст. 11) намеренно, чтобы число поколений соответствовало четырнадцати. В любом случае, список составлен избирательно, поскольку тринадцать поколений после изгнания охватывают 600 лет.

1:18 — 2:23 *Исполнение Писания в рождении и детстве Иисуса Мессии*

Данный раздел Евангелия, обычно известный как рассказ о детских годах Иисуса, не служит описанием Его рождения и детства (в нем даже не говорится прямо о Его рождении), скорее он представляет собой серию сцен, призванных показать, как Божественный замысел, провозглашенный в Ветхом Завете, пришел к своему исполнению. Лишь кратко рассматриваются и другие ключевые темы Писания: прежде всего, жестокость Ирода вызывает в памяти попытку фараона погубить младенца Моисея, а приход волхвов соотносится с визитом другой высокой особы с Востока, царицы Савской, к сыну Давида в Иерусалим.

Обратите внимание, что повествование ведется с точки зрения Иосифа, в то время как соответствующий рассказ в Лк. 1, 2 ведется с точки зрения Марии. Возможно, в этом нашел отражение характер и источник информации, которым пользовался тот или иной автор в освящении данного периода.

1:18—25 Иосиф принимает Иисуса как своего сына. Предшествующий раздел представил Иосифа потомком Давида. Однако Иисус не был сыном Иосифа по крови, о чем совершенно ясно говорится в данном разделе. Только при условии, что Иосиф официально «признал» Его, Он также мог считаться «сыном Давида» (20). Потребовалось откровение от Бога, чтобы убедить Иосифа пойти на это и принять беременную Марию как свою жену и дать затем ребенку имя.

В этих стихах тот факт, что Иисус не имел земного отца, не подвергается сомнению и не объясняется (помимо двукратного упоминания о *Святом Духе*), а просто принимается как нечто само собой разумеющееся, хотя Иосиф и не сразу узнает о нем. Здесь для подтверждения Матфей первый раз прибегает к «формуле–цитате», в которой сочетает намек на пророчество о непорочном зачатии и об имени *Еммануил*, что являет собой мощное свидетельство того, кем является этот младенец.

Примечания. 18 В действительности *рождение* Иисуса не становится основной темой данного раздела. Греческое слово *genesis* (используемое также в ст. 1) имеет прежде всего значение «исток» или «начало». **19** Помолвка скреплялась документом, который мог быть расторгнут только в случае «развода». Наказанием за несоблюдение целомудрия до свадьбы в Ветхом Завете была смерть, но к этому времени она была заменена процедурой развода, и по общему согласию развод мог состояться в присутствии свидетелей без общественного оглашения. **21 Греч.** форма имени *Иисус* соответствует ветхозаветному имени Иешуа, что означает «Бог спасает». **23** Слово *Дева* связано с греч. текстом Ис. 7:14, однако в древнеевр. оно не несет такого прямого значения. Пророчество относится к событиям конца VIII в. до н. э., но Матфей видит в имени Еммануил и в связанной с ним теме чудесного младенца из Ис. 7—12 предвозвестие более великого исполнения этого пророчества в грядущем.

2:1—12 Приход волхвов. «Волхвы» были астрологами, которые играли заметную роль в придворной жизни многих восточных государств и считались советниками царя. В основе их знаний лежали сложные астрономические наблюдения в сочетании с системой «толкований», которой отчасти пользуются и сейчас составители гороскопов. Вследствие расчетов, произведенных на *востоке* (очевидно, в Месопотамии, совр. Ирак), они заключили, что в Палестине родился ребенок, будущий царь, появление которого требовало нанесения «государственного визита». Матфей описывает это событие как несомненный отклик язычников на дарованное им откровение, хотя и не совсем ясного для них.

Резкий контраст между мотивированным поведением этих чужеземцев и неприкрытой завистью и ревностью *Ирода*, официального царя Иудейского (*и всего Иерусалима с ним*), предвещает реакцию официального иудаизма на проповедь Иисуса и грядущую судьбу язычников как истинного народа Божьего.

Матфей здесь находит богатый материал для размышления над исполнением пророчеств Писания. Прямое цитирование Мих. 5:2 показывает, как место, где родился Иисус, отражает Его положение грядущего *Вождя*, а *звезда*, очевидно, отражает пророчество Валаама о «звезде от Иакова» (Чис. 24:17). Прибытие иноземных сановников с Востока в Иерусалим напоминает нам о визите царицы Савской к Соломону, сыну Давида, принесшей в дар золото и благовония (3 Цар. 10:1–13), и о пророчествах о повторении таких визитов в будущем в Пс. 71:10,11 и Ис. 60:1—6 (ст. 6: «золото и ладан»).

Примечания. 1 Царь Ирод («Великий») умер в 4 г. до н. э. Это могло случиться не сразу после рождения Иисуса, а в течение двух последующих лет (16), так что дату Его рождения можно приблизительно отнести к 6 г. до н. э. **2** Было предложено немало объяснений появления *звезды* как природного феномена, включая предположения о появлении кометы (комета Галлея появилась в 12 г. до н. э), новой или суперновой звезды (китайские хроники указывают на появление очень яркой звезды в 5–4 г. до н. э.), а также конъюгации (сближения) планет (предполагается, что такая конъюгация Сатурна и Юпитера в 7 г. до н. э. могла указать вавилонским астрологам на рождение царя в «западных землях», как они называли Палестину). Некоторые из этих событий могли подвигнуть волхвов на поиски, однако ст. 9 говорит нам о некоем чудесном событии. **6** Цитата отчасти вплетается в текст Мих. 5:2 слова из 2 Цар. 5:2 — отрывка, на котором основано пророчество Михея. **12** Бог обращается *во сне* к другому язычнику в 27:19. Подобно звезде, такой способ обращения Бога к людям был привычен для этой культуры. Единственные откровения во сне, о которых Матфей пишет помимо этого, были даны Иосифу (1:20; 2:13,19,22).

2:13–23 Детские путешествия. Остальная часть гл. 2 посвящена странствиям родителей новорожденного Мессии вместе с Ним: вначале от места появления Его на свет в Вифлееме — в Египет, затем обратно в Иудею и далее в Галилею, где Он остается на жительство в селении, которое должно было дать Ему Его титул — Иисус Назарянин. Данный раздел интересен как часто встречающимися «формулами–цитатами» (15,17,18,23), так и повторяющимися откровениями во сне, которые направляли Иосифа в его странствиях (13,19,22). Это показывает, что основной целью автора было показать, что все эти перемены мест не носили случайного характера, но были направляемы Богом и предсказаны в Писании (отметьте, что каждая формулацитата в гл. 2 содержит географическое название: Вифлеем, Египет, Рама, Назарет). Просто географическая карта!

Чем это объяснить? Ключ к решению вопроса может быть найден в реакции иудеев на предположение, что Христос может прийти из Галилеи (Ин. 7:41,52) или, хуже того, из Назарета (Ин. 1:46). Все знали, что Мессия должен прийти из Вифлеема, селения, находящегося в Иудее, как же в таком случае относиться к Иисусу *из Назарета*? Гл. 2 Евангелия дает ответ на это возражение. В действительности, Иисус родился в Вифлееме, как об этом говорилось в Писании, но в результате длительных странствий, которые направлялись Богом и подтверждены Писанием, Он оказывается в Галилее, чтобы Мессия также мог *наречься Назореем*.

Примечания. 13 Египет традиционно был местом, где иудеи искали спасения от политического режима своей страны. **15** В Ос. 11:1 говорится об исходе *сына* Божьего Израиля *из Египта*. Матфей стремится подчеркнуть, что Иисус был истинным Израилем. **16** *Ирод* в последние годы жизни был одержим параноидным страхом за безопасность своего престола, что привело его к убийству многих воображаемых соперников, включая трех собственных сыновей и любимую жену. Убийство младенцев мужского пола в небольшом селении Вифлеем вполне соответствовало его характеру. **18** Цитата основана на предании о захоронении *Рахили* рядом с Вифлеемом. Под *детьми*, о которых говорится в Иер. 31:15, подразумевались отправившиеся в изгнание евреи (из *Рамы*, другого возможного места

захоронения Рахили), но далее в главе говорится об обещании их возвращения. 22 *Лрхелай* оказался еще более жестоким правителем, чем его отец, и был свергнут в 6 г. н. э., а на его место был поставлен римский наместник. 23 Выражение *Он Назореем наречется* не является цитатой из какого-то конкретного текста (как подразумевает общая ссылка на *пророков*), но, очевидно, выражает общую тему пророчеств о смиренном, подверженным унижениям Мессии (ср.: Ин. 1:46).

3:1—17 Иоанн Креститель и Иисус

3:1—12 Призыв Иоанна (см.: Мк. 1:2—8; Лк. 3:1—18). Иоанн Креститель возглавлял крупное религиозное течение. Его призыв к покаянию в свете грядущего Божьего Суда был ясным напоминанием, что Израиль, как это часто бывало в прошлом, перестал жить в соответствии со своим статусом народа Божьего. Его слова о том, что значит быть *детьми Авраама* (9), показывают, что положение евреев само по себе не спасало от Суда. Иоанн *крестил* всех, желавших принять крещение, в том числе и язычников, захотевших присоединиться к израильскому народу, тем самым выделяя их в особый «остаток», который отныне олицетворял истинный народ Божий.

Матфей стремится показать преемственность между проповедью Иоанна и служением Иисуса. Слова Иоанна в ст. 2 те же, что говорит Иисус в 4:17 (и Его ученики в 10:7). И позднее отголосок слов Крестителя звучит в учении Иисуса (см.: 7:16,19; 12:34; 13:30; 23:33), а в 8:10—12 повторяется предостережение Иоанна евреям не полагаться только на свои иудейские корни. Иоанн, таким образом, не был просто глашатаем прихода Христа, он положил начало служению, которое должен был осуществить Иисус. (Ср.: 11:7—19; 21:23—32, где также находит отражение связь между ними.)

И, тем не менее, Иоанн был только предтечей, как показывает цитата из Ис. 40:3 (3) и как подтверждают его собственные слова об *Идущим* за ним, *Который сильнее* его. Противопоставление *воды* и *Духа Святого* (11) ясно показывает, что подлинное духовное обновление приходит только через служение Иисуса.

Примечания. 1 *Пустыня Иудейская* — необитаемый район вблизи Иордана. Такие места Писания, как Ис. 40:3; Иер. 2:2,3 и Ос. 2:14,15, говорят, что возрождение начнется именно в пустыне. **2** Выражение «Царство Небесное» у Матфея является синонимом термина «Царство Божье» в других Евангелиях. Оно означает плодотворное правление Бога на земле. Форма *приблизилось* служит провозглашением его прихода. **4** Одежда Иоанна показывает, что он — второй Илия (см.: 4 Цар. 1:8), о чем говорится в 11:14 и 17:10—13.

3:13—17 Крещение Иисуса (см.: Мк. 1:9—11; Лк. 3:21,22). Если принять во внимание ст. 11, то сомнения Иоанна покажутся вполне естественными. Объяснение, которое дает Иисус (15), несколько загадочно, однако оно говорит о необходимости исполнения Им Своего призвания, которое невозможно без соединения с новым народом Божьим. (*Правда*, или «праведность», возможно, служит отражением Ис. 53:11, где определение «праведный» повторяется неоднократно). Последовавшее затем (16,17) откровение являет Иисуса Мессией, помазанным Святым Духом, о чем было предсказано в Ис. 11:2; 42:1 и 61:1, а слова, раздавшиеся с небес, перекликаются с Пс. 2:7 и Ис. 42:1. Таким образом, Иисус был объявлен Мессией и Царем, Который, будучи Сыном Божьим, обладает не меньшей властью, чем Сам Бог.

4:1—16 Испытание и подготовка

4:1—11 Испытание Иисуса в пустыне (см.: Мк. 1:12,13; Лк. 4:1—13). Слово «испытание» указывает скорее на отрицательные переживания, однако Иисусу было предопределено Богом (1) пройти этот подготовительный путь перед дальнейшим служением. Греч. слово имеет общее значение «испытание», которое служит более точным переводом данного места.

В центре внимания стоит утверждение об Иисусе как Сыне Божьем (3:17; 4:3,6). В чем же значение этого положения в Его отношениях с Отцом? Три испытания вскрывают различные стороны этих отношений и то, каким образом злоупотребление Своим высоким званием могло бы разрушить служение Иисуса. Он должен был оказаться готовым терпеть лишения в исполнении замысла Божьего относительно Него, не используя «привилегий» Своего статуса (2—4); доверять воле Отца, не пытаясь проверить, спасет ли Его Бог в случае опасности (5—7); не искать «легких путей» для исполнения Своего назначения, достигая тем самым цели и повинуюсь Отцу (8—10).

Каждое предложение отвергается с помощью текстов Писания, которые восходят ко Втор. 6 — 8. В этом отрывке говорится об испытаниях израильского народа в пустыне («как человек учит сына своего», Втор. 8:5; ср.: 8:2), и приводимые цитаты говорят о тех уроках, которые должен был усвоить Израиль посредством этих испытаний. Ныне новый «Сын Божий» готовится к Своему пути, и служение Иисуса, «нового Израиля», должно основываться на тех же принципах повиновения, которые не смог усвоить израильский народ.

Примечания. 1 *Диавол* преследовал свои цели, искушая Иисуса несправедливо воспользоваться Своим положением, но его враждебные цели были использованы Богом для испытания Своего Сына. 2 То, что Иисус *постился* и *взлажал*, показывает нам, что Ему не были чужды человеческие страдания. 6 Дьявол достаточно точно цитирует место из Пс. 90:11,12 (и несомненно, что испытание доказало бы его истинность), но даже точная цитата из Писания может быть неверно применена. 8 Сравните с 28:18, где через Свое послушание Иисус получает всю власть не только на земле, но и на небе!

4:12—16 Иисус переходит в Галилею (ср.: Мк. 1:14; Лк. 4:14). Заключение Иоанна под стражу сделало пребывание Иисуса, как единомышленника Иоанна, опасным на юге и одновременно открыло Ему путь к началу собственного служения. Галилея отныне становится ареной действий Иисуса до времени Его последнего путешествия в Иерусалим в гл. 21. Именно в Галилее должен был просиять свет (о котором пророчествовал Исайя в 9:1,2), а проповедь Иисуса должна была укрепиться и набрать силу. Иерусалиму, напротив, суждено было стать местом отвержения и смерти. Такое противопоставление проходит через все Евангелие, получая завершение в возвращении Иисуса из Иерусалима в Галилею, откуда Он посылает Своих учеников проповедовать Евангелие в гл. 28.

Галилея (*языческая*) была географически и политически отделена от Иудеи, и евреи занимали не такую большую часть среди ее населения. Иудеи считали ее жителей невежественными и нерелигиозными людьми, и есть очевидные свидетельства напряженных отношений между двумя провинциями в новозаветные времена. Галилеянин Иисус в сущности был в Иерусалиме чужеземцем.

4:17 — 16:20 Общественное служение в Галилее и вокруг нее

4:17—25 Начало общественного служения

4:17 Призыв Иисуса (см.: Мк. 1:14,15). В «Кратком содержании» говорилось, что этот стих служит указанием на начало нового этапа служения. Связь с Иоанном Крестителем см. в: 3:2. Тема *Царства Небесного* занимает центральное место в проповеди Иисуса: Бог — это Царь, Чье правление отныне входит в полную силу.

4:18—22 Призвание первых апостолов (см.: Мк. 1:16—20; ср.: Лк. 5:1—11). Помощники Иисуса в Его служении не могли быть просто Его «соратниками», они сами должны были стать *ловцами человеков*, приводя людей к Богу. Эти стихи показывают, что полное посвящение Иисусу требует абсолютной преданности.

Симон, Иаков и Иоанн (и в меньшей степени *Андрей*) составляли ядро апостольской группы. Их призвание и готовность откликнуться на призыв, видимо, характеризуют всю группу в целом.

4:23—25 Краткий обзор служения Иисуса (ср.: Мк. 1:39; 3:7–12; Лк. 4:44; 6:17–19).

Это краткое заключение показывает, что Иисус был принят в синагогах (противостояние ждало Его еще впереди) и широко известен как Учитель и особенно как Исцелитель — Его проповедь в Галилее имела весьма большой успех. Хотя служение Иисуса было ограничено Галилеей, о Нем узнали в «большой Палестине» (которая составляла часть римской провинции *Сирия*). То, что Иисус *исцелял* людей, показывает, что служение Иоанна Крестителя пришло к завершению: сила Царства Небесного, именем которой проповедовал Иоанн, была явлена в действии.

5:1 — 7:29 Первая беседа: ученичество

Первую из великих «речей», которые мы находим в Евангелии от Матфея (см.: Введение), чаще всего называют «Нагорной проповедью». Она обнаруживает ту же общую структуру, что и проповедь, которая приводится в Лк. 6:20—49, но занимает гораздо больше места, включая в себя и тот материал, который содержится в других местах Евангелия от Луки, и большое число сведений, которые мы находим только в Евангелии от Матфея. Главенствующей темой, которая объединяет весь материал, служит тема ученичества или «жизни в Царствии Небесном». Призвав Своих первых учеников, Иисус показал им преимущества и обязательства их нового положения.

Отдельные моменты беседы сосредоточены на Самом Иисусе, за Которым они теперь должны следовать, однако это не просто кодекс поведения учеников, но откровение о власти Мессии, о чем напоминает 7:28,29. Следующая затем серия сотворенных Иисусом чудесных *деяний* в гл. 8, 9 завершает могущественный образ Мессии.

5:1,2 Введение (ср.: Мк. 3:13; Лк. 6:20). Слушатели ясно названы *учениками* в отличие от *народа*. Последний вновь появляется в 7:28 как более широкая аудитория слушателей, однако очевидно, что не народ является основным объектом проповеди, что проявляется в противопоставлении обращения «вы» (ученики) другим людям (см.: в особенности 5:11–16).

5:3—10 Счастливая жизнь (ср.: Мк. 3:13; Лк. 6:20). Проповедь (речь) начинается с обобщенного портрета идеального ученика в форме восьми «заповедей блаженства». Перевод греч. слова *makarios* представляет затруднения; чаще всего оно передается как *блаженный* (благословенный) или «счастливый», но в греч. в нем содержится оттенок поздравления и рекомендации. Этим качествам принято завидовать, многие стремятся обрести их; они составляют содержание «добропорядочной, благочестивой жизни». Каждая краткая формула завершается разъяснением, указывающим, что следующий этим путем не останется в проигрыше. Награда обретается на уровне духовного опыта и взаимоотношений с Богом, а не в виде материального вознаграждения. Заповеди блаженства начинаются и завершаются ключевой фразой: *...ибо их есть Царство Небесное*. Это относится к народу, который признает Бога своим Царем и который может поэтому с уверенностью смотреть в будущее, ожидая исполнения Божественного замысла в своей жизни.

В Лк. 6:20–22 приводятся только четыре заповеди блаженства, сбалансированные четырьмя рефренами («горе»). Они произносятся от второго лица и сосредоточены на материальном благополучии и общественном положении учеников, а не на духовных ценностях, представленных выше.

Примечания. 3 Нищие духом. Эта тема перекликается с притеснениями «бедных» и «кротких», угнетенных рабов Божьих в Ветхом Завете, которые, тем не менее, не полагаются на Него, ожидая избавления. Этот и следующий текст созвучны Ис. 61:1,2, тогда как ст. 5 вызывает ассоциации с Пс. 36:11,12, где кроткие противопоставляются нечестивым.

5:11—16 Исключительность учеников Христа (ср.: Мк. 9:50; 4:21; Лк. 6:22,23; 14:34,35; 8:16). Переход ко второму лицу знаменует собой прямое обращение к слушателям Иисуса. Последняя заповедь блаженства призвана подчеркнуть, что преследование, которое ожидает Его последователей, ставит их в разряд верных рабов Божьих. Такое положение

учеников, которое делает их объектом преследования, далее иллюстрируется двумя метафорами — соли и света; обе фигуры речи раскрывают сущность явления, которое, однако, воздействует в должной мере на окружающую обстановку, но только если, с одной стороны, четко обособлено, а с другой — составляет с этой обстановкой единое целое. Таким образом, ученики должны были действовать в обществе как альтернативная и побудительная сила. Именно их добропорядочная жизнь должна прославить Бога, Который призвал их к этому.

Примечания. 13 Здесь важны два свойства соли: она придает вкус пище и предохраняет ее от порчи. Раввины использовали эту метафору как символ мудрости (*соль теряет силу* — букв. означает «стать глупым»). **14** Словесная картина: освещенный город на вершине горы отражает эффект объединенных «огней», света, исходящего от каждого ученика. **16** Ср.: 6:1. Здесь подчеркивается разница между показным благочестием в гл. 6 и свидетельством, которым служит надлежащий образ жизни.

5:17–48 Иисус и закон (ср.: Лк. 16:17; 12:58,59; 16:18; 6:27–36). Этот большой раздел посвящен одной теме, и отдельные ее аспекты не должны рассматриваться в отрыве от целого. После темы «Иисус — „исполнитель" закона», которая изложена в общих формулировках (17—20), на шести примерах производится иллюстрация учения Иисуса, которое противопоставляется принятому истолкованию ветхозаветного закона (21—47), а далее следуют заключительный вывод (48).

В ст. 17–20 Иисус ставит закон наравне с пророками и подчеркивает, что пришел исполнить ветхозаветные установления (в смысле исполнения пророчеств до пришествия Иисуса; см.: 11:13 и Рим. 10:4; Гал. 3:24). «Исполнить» — означает воплотить в жизнь предначертанное в Писаниях, что и совершил Иисус. Но это исполнение закона не означало его упразднения; он остается в силе и требует неукоснительного и полного исполнения со стороны Его последователей (18,19). Остается вопрос, однако, как на учеников повлияло исполнение закона в Иисусе, и в ст. 20 отмечается, что неукоснительное соблюдение буквы закона (законничество *книжников и фарисеев*) не отвечает духу Царства Небесного. Здесь необходимо осуществить качественный скачок, и это раскрывается далее в ст. 21—47, где показано, как установления Иисуса выводят на более высокую ступень развития нравственного учения, по сравнению с базирующимся на ветхозаветном законе. Речь идет не о более скрупулезном соблюдении буквы закона, но о более глубоком понимании воли Божьей, которая священным образом запечатлена в этом законе.

В первых двух примерах (21—30) тот факт, что человек не совершает буквального убийства или прелюбодеяния, не решает существа проблемы. Подоплекой таких внешних действий служит внутреннее состояние ненависти и похоти. Если они коренятся в сердце, необходимы решительные усилия, чтобы преодолеть эти пороки, прежде чем они реализуются в конкретных внешних проявлениях.

Третий пример (31,32). Буквальное обращение к Втор. 24:1–4 приводит к оправданию развода при определенных обстоятельствах, но Иисус по-новому формулирует и подчеркивает первоначальный замысел Бога о неразрывности брачных уз (см.: более подробный коммент. к 19:3—12).

Четвертый пример (33—37). Иисус оставляет в стороне сложную дискуссию об относительной важности разных обетов (ср.: 23:16–22), подчеркивая важность послушания и верности, что делает клятвы и обеты необязательными. Здесь, как и в случае с проблемой развода, Иисус отдает предпочтение не тем требованиям закона, которые предназначены контролировать греховные проявления человеческой природы, но первоначальному замыслу Божьему в этой связи. Нравственные критерии должны базироваться не на согласительной силе закона, но на непреложных установлениях Божьих.

Пятый пример (38—42). Естественное стремление к мести в Ветхом Завете регулировалось специальными установлениями, которые первоначально предназначались для ограничения рамок закона возмездия (*око за око* и др.). Но возведение этого принципа на уровень индивидуальных нравственных норм превращало его в своеобразный свод персональных привилегий. На целом ряде ярких примеров (39—42) Иисус, в противовес

этому, призывает не только отказаться от мести, но не настаивает на возмездии даже в случае, если оно имеет под собой законные основания. Это нравственный принцип отказа от своих интересов во благо другим.

И, наконец, следует естественный вывод о том, что ветхозаветная заповедь любить своего ближнего вызывает неизбежное следствие — ненависть к соседу заменяется на неожиданную заповедь любить своих врагов (43—47). Здесь также Иисус выходит за рамки ясного учения ветхозаветного закона и предлагает этическое начало, которое резко противостоит привычным человеческим ценностям.

Таким образом, все эти примеры демонстрируют, что на смену поверхностного соблюдения буквы закона пришли радикальные поиски понимания истинной воли Божьей. Это выходит за рамки буквального истолкования закона и может в отдельных случаях оставить его в стороне, по мере того как Иисус Своим авторитетом (*...а Я говорю вам*) раскрывает совершенно иную шкалу ценностей, которых должны придерживаться ученики. Эта мысль красиво и логично обобщена в последнем стихе: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*. Законничество было оставлено далеко позади, а закон был исполнен.

Примечания. 19 *Нарушит*: неудачный перевод греч. слова, которое букв. означает «упразднить»; речь идет об учении, а не о практике. **22** Слова *рака* и *безумный* (глупец) были оскорбительными терминами. Три части этого стиха иллюстрируют следствия плохих взаимоотношений, независимо от степени их нарушенности. **23—24, 25—26** Эти две не связанные между собой словесные картины иллюстрируют неотложность мер для предотвращения ухудшения взаимоотношений. *К жертвеннику*: жертвенник находился в Иерусалиме, и слушателям Иисуса в Галилее предстояло пройти до него длинный путь. **29, 30** Ср.: 18:8,9. Иисус говорит здесь в фигуральном смысле, а не буквально требует увечья. **31** Во Втор. 24:1—4 узаконен развод при определенных обстоятельствах (речь идет о запрете повторной женитьбы на прежней жене, которая состояла в новом браке); разрешение на развод скорее предполагается, чем удостоверятся. **33** Здесь подводится итог различным ветхозаветным предписаниям относительно клятв и обетов. **39—41** Эти иллюстрации рассматриваются в контексте закона: пощечина была серьезным оскорблением, за которое назначался большой штраф; лишать кого-либо верхней одежды запрещалось законом (Исх. 22:25—27); право римских воинов заставлять гражданских лиц нести какую-то службу («принудить» — здесь технический термин в греч. языке) было ограничено. Речь идет о том, что нельзя злоупотреблять своими правами. **43** *Ненавидь врага твоего* — эта фраза не является прямым цитированием ветхозаветного закона, но ясно отражает смысл таких текстов, как Втор. 23:3—6 и Пс. 138:21,22.

6:1—18 Религия и ее награды. Общий вывод предваряет три параллельные иллюстрации о верном и неверном исповедании религии. Милостыня, молитва и пост были ключевыми элементами иудейской религии, и все это представляло ценность для учеников Иисуса. Речь идет не о том, нужно ли придерживаться этих установлений, но о том, каким образом и почему. Здесь ставится акцент на вопросе о воздаянии: награда показной религии измеряется человеческими ценностями, которые получают взыскующие. Этим все и завершается (они получили эту награду сполна). С другой стороны, истинно религиозного человека, который делает все для Бога, а не напоказ, стремясь к одобрению окружающих, ожидает небесное вознаграждение. Примечательно, что, как и в 5:3—12, здесь идея воздаяния по заслугам считается нормальной.

Четкая симметрия этих трех иллюстраций (2—4, 5—6 и 16—18) нарушается пространственным рассуждением о молитве, при этом разъясняется, что такое неправильная (7,8) и правильная молитва (9—15). Молитва Господня, таким образом, служит не просто литургическим предписанием, но и образцом молитвы для верующего.

Примечания. 1 См. выше: коммент. к 5:16. **3** Не следует понимать сказанное здесь как призыв к беспорядочным приношениям. **6** Речь идет о кладовой как о самом уединенном месте в доме (вероятно, о комнате без окон, которая была единственной в доме, где были запоры). **7** *Не говорите лишнего* — это словосочетание можно перевести как призыв «не

разглагольствовать, не нагромождать пустых фраз»; греч. слово, использованное здесь, более нигде в Новом Завете не встречается. Здесь подчеркивается не многословие и повторы (как предполагает перевод AV), но бессмысленное сотрясение воздуха со стороны молящегося, который считает, что таким образом можно привлечь внимание Бога. Истинная молитва — это не формальный акт и не спектакль, но тесное общение с Богом. **9—13** Молитва, приведенная у Матфея, длиннее, чем у Луки в 11:2—4. Версия, которая обычно приводится в большинстве переводов, еще длиннее, однако знакомая всем завершающая формула благодарения встречается только в более поздних рукописях Евангелия от Матфея. **14,15** Может создаться впечатление, что эти стихи позволяют считать, будто наше прощение достигается тем, что и мы прощаем других. См., однако, 18:21—35, где связь между прощением других и нашим прощением выявляется более четко. Слово *долги* в ст. 12 напоминает нам об этой притче.

6:19—34 О богатстве и безопасности (см.: Лк. 11:34,35; 12:22—34; 16:13). Блок кратких изречений (19—24) и последующие поучения (25—34) объединены темой материальных сокровищ. В противовес этим преходящим ценностям, которые больше всего занимают наше внимание, Иисус призывает Своих учеников поставить на первое место Бога, тем самым отдавая дань вечным ценностям и доверяя нашему небесному Отцу удовлетворять все наши материальные потребности здесь, на земле.

В ст. 19—21 нас призывают выбрать непреходящие ценности и указывают, что устремленность к земным сокровищам не только затмевает перспективу будущего, но и неразумна сама по себе, потому что такое богатство не может быть вечным.

Кажется, что ст. 22,23 выпадают из контекста, однако здесь тонкая игра слов. Греческое слово, переведенное как *чист*, буквально означает «единственный», но также и «щедрость», а словосочетание *око... худо* в ст. 23 — метафора скупости и зависти. Таким образом, здесь осуждается эгоистическое стремление к материальным благам и звучит призыв всем сердцем посвятить себя Богу. В ст. 24 снова внимание сосредоточено на этих моментах. Арамейское слово «маммона» служит для обозначения того, что мы подразумеваем под словом «деньги» (не обязательно добытые нечестным путем).

В ст. 25—33 приводится подкупающий своей простотой призыв следовать примеру птиц и цветов, которые являются прекрасной иллюстрацией щедрой заботы Бога о всех Своих созданиях. Здесь говорится о том, что следует оставить все тревоги об обеспечении своих личных потребностей и потребностей своей семьи; Бог снабжает пищей *птиц*, но они все же должны искать ее! Безмятежное доверие учеников, в отличие от беспокойства и озабоченности язычников, зиждется на принятии Бога как своего Отца Небесного (32). Отсюда следует практический вывод — полагаться прежде всего на Бога (33) и доверять Ему во всем.

В современном мире многие (в том числе и христиане) не имеют всего, в чем нуждаются. В данном отрывке нет прямого ответа на этот вопрос, но нам следует помнить, что людям свойственно неправильно использовать даже то, что им все-таки дает Бог.

Примечания. 22 Необычное сравнение *глаза со светильником для тела* означает либо, что свет воспринимается организмом через него, либо, что более вероятно, он помогает человеку сориентироваться на пути. **27** *Локоть* — мера длины. **33** Отдавать предпочтение *царству* Божьему перед всем означает ставить на первое место Его как царя; *правда* — праведная жизнь как следствие такого решения. **34** Это краткое изречение довольно пессимистично и призвано предостеречь нас, что предыдущие стихи обещают необходимое обеспечение наших нужд, но не избавление от забот.

7:1—6 Об осуждении других людей (см.: Лк. 6:37,38,41,42). В ст. 1—5 звучит предостережение от осуждения людей, так как и мы тоже можем стать объектами критики; слово «судите» может относиться как к суду Божьему, так и к человеческому. Но ст. 6 указывает, что и у христианина есть право на суд, которым он должен воспользоваться.

Примечание. 6 К святыне следует допускать только тех, кто способен оценить ее. Конкретных разъяснений на этот счет не дается, но следует помнить, что есть время говорить и время слушать (Еккл. 3:7). Истина Божья не должна отдаваться на поругание.

7:7–11 Ободрение молящегося (см.: Лк. 11:9–13). Настойчивость в молитве (все повеления переданы глаголами несовершенного вида, что предполагает непрестанные молитвенные обращения, а не единичную просьбу) может привести к получению ответа, но не в силу использования каких-то особых приемов, а по воле Бога, к Которому мы обращаемся. Если даже *злые* отцы (что отражает признание грешной природы человека) стремятся сделать доброе для своих детей, то насколько больше может Бог. Однако это, конечно, не является гарантией того, что мы получим тот ответ на молитву, которого ожидаем. Бог дарует нам только то, что пойдет нам на благо, а не то, чего нам хочется!

7:12 Золотое правило (см.: Лк. 6:31). Этот стих завершает наставления Иисуса и является обобщением всего сказанного о правилах жизни Его последователей. Выражение *закон и пророки* возвращает нас к теме, которая начата в 5:17. Еще одно заключение о законе и пророках см. в 22:37—40. Другие учителя преподносят аналогичную истину в негативной форме: не поступать с другими так, как мы не хотели бы, чтобы с нами поступали; Иисус же избирает более действенную утвердительную форму.

7:13—27 Истинные и ложные последователи Иисуса (ср.: Лк. 13:24; 6:43–46; 13:25–27; 6:47–49). Этот блок поучений завершается четырьмя яркими примерами, в которых противопоставляются истинные и ложные ученики. В этих четырех аллегорических картинах различие между двумя категориями учеников рассматривается с разных точек зрения, создавая основу для размышления и самооценки.

Первый пример (13,14) иллюстрирует резкое различие между спасенным и погибшим; два типа *ворот* и два *пути* ведут, соответственно, *в погибель* и *в жизнь*. Истинные последователи Христа в меньшинстве, они добровольно отстраняются от широкого пути, хотя это вопрос жизни и смерти.

Второй пример (15—20) раскрывает более сложную ситуацию. *Лжепророки* предстают перед людьми невинными овечками (*в овечьей одежде*), но на деле они *суть волки хищные*. Отсюда вывод: не всякое пророчество нужно принимать за чистую монету, его необходимо проверять. Пророков узнают *по плодам*, а не по словам. Эта метафора — *плод* — несколько раз встречается у Матфея в качестве критерия оценки поведения, благоугодного Богу (ср.: 3:8—10; 12:33–37; 21:43).

Третий пример (21—23) показывает еще более сложную ситуацию: речь идет о тех, которые считают себя истинными последователями Христа и стремятся доказать это своей харизматической деятельностью, но в действительности не имеют реальных отношений с *Господом*, к Которому взывают. Лжепророки из ст. 15 были обманщиками, но они обманули и самих себя. Ни заявление людей о приверженности Иисусу, ни даже видимые признаки христианской деятельности не имеют значения, если только Он Сам *не знал* их. Его авторитет судьи непререкаем: только от Него зависит и только Он решает, *кто войдет в Царство Небесное*.

И наконец, в ст. 24–27 говорится о людях *благоразумных* и *безрассудных*. И те и другие слушают слова Господа, разница же в том, что одни *претворяют их в жизнь*, а другие нет (ср.: «плоды» в 16—20). Это разделение проходит в среде последователей Христа. Итог — нас заставляют задуматься над тем, базируются ли наши отношения с Христом на истинном или формальном исповедании веры и что составляет основу жизни настоящего Его ученика.

Примечания. 15 *Лжепророки* известны и в Ветхом, и в Новом Завете (ср.: Втор. 13:1—5; Иер. 23:9–32; Мф. 24:11; 1 Ин. 4:1–3. 21 *Господи* — это перевод греческого слова *kyrios*, которое здесь используется только как титул Бога. В обиходном греческом это обычное уважительное обращение, и тот же оттенок оно носит и в Евангелиях. Здесь, однако, это знак особого почтения, даже поклонения. 22 *В тот день* — в день последнего суда.

7:28,29 Заключение (ср.: Мк. 1:21,22). Обычная заключительная формула поучений в Евангелии от Матфея здесь несколько расширена и включает в себя описание реакции слушателей. Противопоставление Иисуса *книжникам* (т. е. законоучителям) напоминает сказанное в 5:21—47, где власть Иисуса, Его *авторитет* раскрываются в простой фразе, ставящей Его выше книжников: «А Я говорю вам». Заключительные призывы в этом

фрагменте еще больше усиливают это впечатление, и Его слушатели осознают это в полную меру («народ дивился»). Следующие две главы посвящены тому, как слово Иисуса раскрывается в действии.

8:1 — 9:34 Чудеса, сотворенные Иисусом

Матфей собрал здесь девять рассказов о чудесах Иисуса (в одном из которых объединены две чудодейственных истории; 9:18–26). Они составляют три группы (по три чуда в каждой: 8:1–7; 8:23 — 9:8; 9:18–34), разделенные краткими отступлениями, в которых внимание сконцентрировано на повелениях Иисуса (8:18–22; 9:9–17). Матфей рассказывает эти истории более сжато, чем Марк, оставляя в стороне большинство живописных подробностей и сосредоточивая внимание на Самом Иисусе. В результате создается яркое впечатление неодолимой власти Иисуса над болезнями, демоническими силами и природными стихиями и силы Его воздействия на Своих последователей, которые принимают для себя кардинальные решения. Все это раскрывает дополнительные грани Его авторитета, который Он продемонстрировал в первом блоке поучений.

8:1–17 Три чуда исцеления (см.: Мк. 1:40–45, 29–34; Лк. 5:12–16; 7:1–10; 4:38–41). Эти три истории собраны вместе и завершаются заключительной формулой–цитатой, подчеркивающей их значение (17). Их объединяет и то, что исцеленные принадлежали к тем категориям, которые не считались полноправными в обществе: прокаженный, язычник и женщина.

Прикосновение Иисуса к прокаженному явилось мощной демонстрацией того, что Его любовь и сострадание преодолевают все социальные запреты. Повеление *пойди покажи себя священнику* (как в Лев. 14:10–32) служило *свидетельством* уважения Иисуса к закону и Его исцеляющей силы как Мессии. Другое же повеление — *никому не сказывай*, — напоминает нам об опасности преувеличенного внимания к этим вещам.

Сотник и его *слуга* были неиудеями из оккупационных войск. Причиной того, что посещение Иисусом язычников не поощрялось, была проблема взаимоотношений иудеев и язычников: иудейский учитель не должен был осквернять себя вхождением в дом язычника. Искренняя и непосредственная просьба воина, который видел практические результаты власти Иисуса над болезнью, свидетельствует о его *вере*, которую было трудно найти *и в Израиле*. Цитируя высказывание Иисуса в ст. 11, 12 (ср.: Лк. 13:28, 29), Матфей подчеркивает значение этого парадокса для будущей истории народа Божьего. *Многие придут с востока и запада* (и этот язычник стал прообразом их) и присоединятся к еврейским патриархам на мессианском брачном пире, присутствие на котором все иудеи считали своим неотъемлемым правом. В то же время *сыны царства* будут *извержены* и займут место за пределами царства, предназначенное, согласно бытовавшему мнению, для язычников. Отныне доступ в *небесное Царство* определяется не национальной принадлежностью, но верой. Таким образом, чудодейственное исцеление на расстоянии (ср.: 15:21–28, где также рассказывается о языческом «пациенте») было надлежащим ответом на веру язычника (13).

Простая история об исцелении *тещи Петра* приводит к выводу о служении исцеления, которое Иисус осуществлял в *Капернауме* (город, в котором обосновался Иисус во время Своего служения в Галилее; 4:13). Обращает на себя внимание различие в описании одержимых бесами и страдающих болезнью и их лечения. Описывая это служение как исполнение пророчества в Ис. 53:4, Матфей напоминает нам, что не было более важной миссии для раба Божьего, чем искупление греха. Это ключевая мысль в Ис. 53. Но сюда входит и удовлетворение наших физических потребностей.

Примечания. 2 Слово *прокаженный* относилось к больным, страдающим разными кожными заболеваниями; не все они были одинаково серьезными или заразными. **14** *Дом Петров*— вероятно, в Капернауме Иисус жил там. **17** Еврейские существительные в Ис. 53:4 буквально передают физические страдания, даже несмотря на то что контекст подразумевает их первоначальное использование как образных речевых оборотов.

8:18–22 Цена ученичества (см.: Лк. 9:57— 60). Матфей проводит грань между *народом* — людьми, которые заинтересованно слушали Его, но не посвятили себя Ему, и *учениками*, для которых посвящение Иисусу стояло на первом месте. Они разделяли с Ним трудности странствий по Галилее и отсутствие дома, и даже долг по отношению к семье имел для них второстепенное значение. То, что Иисус отказал в просьбе одному из учеников, который хотел похоронить своего отца, может казаться весьма странным: ведь это священный долг сына. Между тем слово *мертвец* — здесь яркая метафора, представляющая людей, не относящихся к категории учеников Христа и лишенных духовного начала. Язык не в меньшей мере, чем само повеление, отражает бескомпромиссность выбора.

8:23–27 Власть над силами природы (см.: Мк. 4:36–41; Лк. 8:22–25). Здесь описано первое чудо, связанное с явлениями природы. Оно показывает, что Иисус обладает той же властью над природой, которая в Пс. 106:23–30 приписывается Богу. Реакция учеников (ср.: Пс. 106:31,32) поднимает на новый уровень оценку суверенной силы Христа, данную Матфеем. Однако, хотя вся история рассказана главным образом с этой целью, замечание Матфея, что *за Ним последовали ученики Его* (23), вызывает ассоциации с предыдущим фрагментом и может служить иллюстрацией того, как происходило становление учеников: когда на море возникает шторм, *вера* в спасительную силу Иисуса получает вознаграждение. Матфей часто предостерегает от опасности слабой веры (*малoverные*, 26; ср.: 6:30; 14:31; 1:8; 17:20).

8:28–34 Захватывающее зрелище: изгнание бесов (см.: Мк. 5:1–20; Лк. 8:26–39). Хотя об изгнании бесов уже говорилось в общих чертах, это описание конкретного случая расширяет видимые масштабы власти Иисуса, добавляя к ней Его контроль над сверхъестественными существами. В этой строго выверенной краткой версии отсутствуют детали и внимание сосредоточено на борьбе Иисуса с бесами. Обладая сверхчеловеческой проницательностью, они признают Иисуса *Сыном Божиим*, однако их свидетельство, хотя и истинное, не считается заслуживающим уважения источником.

У Марка и Луки говорится только об одном одержимом бесами, у Матфея же (как в 20:30; ср.: 9:27) речь идет о двух, вероятно, потому, что эта история призвана засвидетельствовать силу Иисуса, а по иудейскому закону для подтверждения истины требовалось два свидетеля.

Дело происходило на территории язычников (на это указывает упоминание стада *свиней*). Матфей отмечает только отрицательную реакцию населения — желание избавиться от такого гостя. Ничего не говорится ни о гибели свиней, ни о нанесенном в результате этого материальном ущербе. Вероятно, излечение двух человек было событием несравненно более важным. Но прежде всего эта история призвана показать победу Иисуса над необычайно мощной демонической силой.

Примечания. 28 Гадара была греческим городом, центром области на восточном побережье Галилейского моря. **29** Выражение *прежде времени* отражает иудейское представление о том, что бесы должны быть осуждены на последнем суде.

9:1–8 Исцеление и прощение (см.: Мк. 2:1–12; Лк. 5:17–26). Матфей не упоминает о набитом людьми доме и отверстии в кровле, его интересует сам диалог. Не говорится и о том, что связь между болезнью и грехом имеет причинно-следственный характер, но сила давать физическое исцеление используется как свидетельство еще большей власти даровать духовное освобождение. Это еще один аспект действенной силы Иисуса. Обвинение в *богохульстве* состоит в том, что только Бог властен *прощать грехи*; если же человек заявляет о такой своей силе, то он ставит себя на место Бога. Иисус же объявляет об этом как *Сын Человеческий*, титул, который неотъемлемо сочетает в себе Его истинно человеческую природу и верховенство власти (см.: Дан. 7:13,14).

Примечания. 5 Вероятно, *легче сказать*: «Твои грехи прощены», поскольку не требуется никаких доказательств этого, но если по слову Иисуса («Встань и иди») совершается сказанное, то Его слушатели убеждаются воочию, что слова эти действительны. 8 Слово *человекам* здесь вызывает некоторое недоумение, поскольку речь идет об уникальной

власти Иисуса; вероятно, оно означает «Иисус как человек».

9:9–17 Разрушение стандартных представлений (см.: Мк. 2:14–22; Лк. 5:27–38). В ст. 3 впервые упоминается о противостоянии иудейских учителей закона Иисусу. Далее мы видим растущую враждебность религиозных руководителей (в данном случае *фарисеев*) к Нему. Иисус оскорбил их представления о надлежащем поведении в обществе тем, что общался с людьми низкого социального положения (9—13) и Своим довольно равнодушным отношением к предписанному преданиями посту (14—17). Но Он намеренно бросал им вызов и отвергал их изжившее себя представление о воле Божьей.

Мытари, то есть сборщики налогов, не только снискали себе славу эксплуататоров, но подвергались политическому ostracismu как наемники языческого римского государства. Для благочестивого иудея сидеть за одним столом с ними было немыслимо. Иисус выражает совершенно другую точку зрения (12,13): во враче нуждается больной, а не здоровый, и спасение не достигается просто принадлежностью к приличной компании. Приведенная цитата из Ос. 6:6 (которая повторяется и в 12:7) показывает, что Бог предпочитает любовь, а не педантичное соблюдение предписаний.

Ответ на вопрос о *посте* вновь подчеркивает новое отношение к старым установлениям. *Новое вино* — образ, передающий радость новых отношений с Богом, прорывающих ветхие границы старой религии.

Примечания. 9 Матфей — то же лицо, что и Левий у Марка и Луки. Он, вероятно, занимал пост таможенного чиновника в пограничном городе Капернауме. **15** Это один из самых ранних намеков на грядущую смерть Христа.

9:18—26 Воскрешение из мертвых (см.: Мк. 5:21–43; Лк. 8:40–56). Это продолжение явления силы Иисуса. Матфей значительно сокращает (23 стиха у Марка и 9 — у Матфея) эту историю, что позволяет сосредоточить наше внимание на том, что дочь начальника, вероятно, умерла уже тогда, когда тот обратился к Иисусу со своей просьбой, а не тогда, когда Иисус находился на пути к его дому. Если это так, то просьба его была весьма значимой. Поэтому Матфей не намеревается убедить нас воспринимать слова Иисуса (24) в буквальном смысле как указание на неверный диагноз (как можно понять из рассказа Марка); Он, должно быть, хотел сказать, что ее смерть, хотя и настоящая, но не вечная.

В рассказ о воскрешении девочки вклинивается описание другого чудодейственного исцеления: безнадежный случай нарушения менструального цикла. В желании женщины прикоснуться к Его одежде, по всей видимости, выражается довольно упрощенное представление о действии исцеляющей силы Христа, но в нем кроется вера, которая и помогла женщине полностью исцелиться.

Примечания. 20 Кровотечение сделало ее ритуально нечистой; даже прикосновение к краю Его одежды должно было вызвать благородное негодование благочестивого иудея. Как и в случае с прокаженным (8:3), Иисус игнорировал бытовавшие запреты. **23** Свирельщики были непременными участниками траурной церемонии.

9:27–31 Двое слепых. Эта короткая история находит параллель в 20:29—34. Обращение к Иисусу как к *Сыну Давидову*, то есть к Мессии, часто встречается у Матфея в рассказах об исцелении. Оно указывает на веру, которую Иисус проверяет Своим вопросом (28) и которая лежит в основе их исцеления. Запрет рассказывать о своем исцелении (ср.: 8:4) был излишним. Как можно скрыть исцеление слепого?! Но они, очевидно, и не пытались скрыть это. Неизбежно сталкивались между собой стремления Иисуса избежать излишней популярности и мощные свидетельства свершенных Им чудес, которые показывали, Кто Он есть на самом деле (ср.: 11:2–5).

9:32–34 Изгнание бесов ведет к обвинению Иисуса. Этот небольшой эпизод находит свою параллель в 12:22–24, где обвинения в сговоре с сатаной получают свое развитие и разъясняются. Здесь же этот новый зловещий поворот к официальной вражде просто упоминается. Матфей проводит различие между одержимостью бесами и физическим недугом, здесь одно привело к другому. Реакция толпы в ст. 33 подводит итог тем впечатлениям, которые были вызваны чудесами, описанными в гл. 8, 9.

9:35 — 10:42 Вторая беседа: служение апостолов

9:35—38 Собиратели урожая (ср.: Мк. 6:34; Лк. 10:2). Этот небольшой фрагмент служит связующим звеном между рассказом о служении Иисуса в гл. 5–9 (резюме которого приводится в ст. 35) и избранием учеников в гл. 10. У Иисуса было слишком много работы, поэтому Он призвал Своих ближайших сподвижников помочь Ему. В основе Его служения было сострадание (*сжалился над ними*) — сильное чувство, которое всегда приводит к нежной заботе об окружающих. Метафора *жатвы* (наподобие выражения «ловцы человеков» в 4:19) позволяет говорить о привлечении новых учеников. Это забота Бога как *Господина жатвы*, Который стремится найти Себе *соратников*. Следует отметить, что те, кого здесь призывают молиться, в следующей главе уже сами действуют в этом направлении.

10:1–4 Двенадцать апостолов (ср.: Мк. 6:7; 3:13–19; Лк. 9:1; 6:13–16; Деян. 1:13). *Апостол* означает «посланный», «посланник», что согласуется с данным контекстом. Матфей только здесь использует это слово, обычно он называет последователей Иисуса «учениками» или просто «двенадцатью». *Власть*, данная им *над нечистыми духами и болезнями*, исходила от Иисуса; в ст. 7 говорится, что они получили дополнительное поручение — проповедовать Его весть. Пятеро из Его апостолов уже упоминались ранее (4:18–22; 9:9). О других же известно мало, за исключением *Иуды Искариота*. *Фаддей* в списке апостолов у Луки появляется под другим именем (Иуда, сын Иакова). Именно эта сплоченная группа, а не отдельные личности, сыграла ключевую роль на заре христианского движения.

10:5—16 Наставления по поводу их апостольской миссии (ср.: Мк. 6:8— 11; Лк. 9:2—5; 10:3–12). Здесь начинается второй блок поучений. Это конкретное поручение в конкретной обстановке, и не следует распространять его на всю христианскую миссию без учета конкретных обстоятельств.

Вызывает удивление условие, поставленное Иисусом (5,6). Однако оно находит свою параллель в ограничении собственной миссии Иисуса, Который был *послан только к погибшим овцам дома Израилева* (15:24). Как становится ясно из отношения Иисуса к неиудеям (8:5–13 и 15:21–28), а также Его ясных наставлений в 28:19,20, это было временное ограничение, не терпящий отлагательства призыв, обращенный специально к избранному Богом израильскому народу, что было первостепенной задачей миссии Иисуса на земле. После Его воскресения должны были произойти коренные перемены.

Задача учеников (7) та же, что и у Иисуса (4:17), а их служение (8) соответствует Его деяниям, описанным в гл. 8,9 (включая даже *воскрешение мертвых*).

В ст. 8б–10 описывается тот же принцип служения, что и в 6:25—34. Если ученики Иисуса исполняют порученную им Богом миссию, они должны полагаться на Его провидение (*ибо трудящийся достоин пропитания*) и не заботиться об удовлетворении своих материальных потребностей в пути, поскольку порученная им работа не терпит отлагательства. Они, как и мы, должны опасаться меркантильного подхода к христианскому служению (8б).

Необходимое материальное обеспечение (а не денежное вознаграждение) предоставляется им не за счет чуда, но в форме гостеприимства (11–15). Обычное *пожелание мира* (до сих пор распространенное у евреев и арабов) — не просто формальное приветствие, оно призвано установить, *достоин ян* его хозяин дома. В случае плохого приема, это пожелание можно забрать обратно (как неоплаченный билет). Отказ в гостеприимстве допускался, однако фраза *отрясите прах от ног ваших* означала, что данный *дом или город* тем самым отмечались как отвергнувшие посланников Мессии, а потому заслуживали надлежащего возмездия.

Христиане во враждебном окружении столь же уязвимы, как и *овцы среди волков*. Чтобы выжить и выполнить свою миссию, они должны проявить проницательность и хитрость, но без лукавства: быть *простыми и чистыми*, но не легковверными.

Примечание. 10 В Мк. 6:8,9 разрешается брать в дорогу и *обувь*, и *посох*. Глагол в ст. 9, переведенный как *брать*, обычно обозначает «получать». Возможно, что здесь речь идет о том, что не следует в дорогу покупать что-то сверх необходимого.

10:17–39 Предупреждение избегать конфликтов и преследований (ср.: Мк. 13:9–13; 4:22; Лк. 21:12–19; 12:2–12,51–53; 6:40; 14:25–27). Внимание все еще сосредоточено на миссии Двенадцати в Галилее (см.: ст. 23), но раскрываются и более общие принципы, касающиеся поведения учеников в сложных обстоятельствах.

Гонения на них могли быть вызваны официальными санкциями (17,18), но, поскольку они преследовались за Иисуса, это предоставляло им возможность *свидетельствовать*. В таких угрожающих обстоятельствах ученики могут рассчитывать на помощь *Духа Отца*, а потому им не о чем *беспокоиться* (ср.: 6:25–34). (Однако это ни в коей мере не оправдывает небрежную подготовку к проповедям.) Это может повлиять даже на отношения в семье, и в ст. 22 противостояние распространяется на всех людей (*будете ненавидимы всеми*). Путь последователей Иисуса не ведет к признанию и влиянию в обществе; он полон гонений (23а). Но в ст. 23б утверждается, что Двенадцать не успеют охватить своей проповедью все города израильские, *как придет Сын Человеческий* (см.: примеч.). Однако часто их изгоняли, а потому многие *города Израильские* остались без Благой вести.

В ст. 26–33 показано, кого следует *бояться*. Бояться противостояния людей — бесперспективное дело, потому что человек может только убить тело, но Бог *может и душу и тело погубить в геенне*. Следовательно, ученики должны бояться не выполнить свою миссию, когда скрывают истину, порученную им для возвещения людям (26,27). Тот же Бог, однако, может не только уничтожить, но и сохранить; совершающим Его волю нечего бояться (29–31). Таким образом, речь идет о простом выборе пути послушания, который имеет судьбоносное значение (32,33).

В ст. 34–39 цена ученичества рассматривается в абсолютных категориях. Сказанное в ст. 34 резко противопоставляется сказанному в 5:9; есть вещи даже более важные, чем *мир*. Верность Иисусу может вызвать иногда даже конфликт в семье (см.: Мих. 7:6), но при этом на первом месте остается Иисус. В 16:21–28 более ясно раскрывается метафора креста Христова, который должны нести Его последователи; это образ мученичества, как видно из ст. 39.

В контексте реалий общества, которое терпимо относится к христианской религии, все это звучит крайне резко. В некоторых странах, однако, даже в настоящее время это воспринимается слишком буквально. И конфликты, и разделения, о которых предупреждает Иисус, реально угрожают Его последователям даже при том, что их жизнь в безопасности. Вы не можете стать истинным последователем Иисуса, если не определите четко свои жизненные приоритеты.

Примечания. 18 Правители, цари, язычники — это перечисление указывает на более широкую проповедь Евангелия, которая не ограничится миссией Двенадцати в пределах Галилеи. **23** Словесная картина, описывающая пришествие Сына Человеческого, ассоциируется с языком Дан. 7:13,14, где рассказывается, как Он пришел к Богу получить от него власть; здесь не идет речь о Его пришествии на землю, тем более о втором пришествии Иисуса. Это провозвестие воцарения Сына Человеческого в силе (которое мы уже найдем исполнившимся через воскресение, 28:18); миссия учеников по отношению к Израилю не будет завершена до этого времени. **25** О *Веельзевуле* см.: 12:24 и дал. и 9:34. **29–31** Эти два стиха не обещают освобождения от смерти (*птица не упадет на землю без воли Отца вашего*), но говорят, что и она под контролем Бога.

10:40–42 Представление Иисуса (ср.: Мк. 9:37,41; Лк. 9:48; 10:16). Суровые предостережения предыдущих стихов сменяются умиротворением и покоем; представлять Иисуса одновременно — и большая честь, и опасность. Здесь говорится о радостном принятии посланников Иисуса и гарантии *награды* для тех, кто оказывает им надлежащий прием. Фраза *из малых сих* далее раскрывается в 18:1–14 (ср.: 11:25; 25:40,45); она относится не к детям, но в целом к ученикам, указывая на опасности, которым они подвергаются, и на

зависимое положение детей.

Примечание. 42 *Напоит чашею холодной воды* — признак гостеприимства, которое не требует награды; но благодать Божья превосходит наши заслуги.

11:1 — 12:50 Разный отклик на общественное служение Иисуса

До сих пор все повествование было сосредоточено в основном на личности Иисуса, хотя отмечалась реакция учеников и народа на проявление Его власти. Теперь Матфей обращает более пристальный взгляд на то, как по-разному воспринимали служение Иисуса окружающие: от радостного приема «младенцев» (11:25) до зловещих обвинений в пособничестве сатане (12:24). Между этими крайними позициями отмечается целая гамма переживаний: энтузиазм, враждебность, крайнее недоумение. Так по мере приближения к третьему блоку поучений (где упор сделан на разделении в народе, возникшем в ходе служения Иисуса) Матфей готовит почву для рассуждений на эту тему.

11:1—19 Иоанн Креститель и Иисус (см.: Лк. 7:18—35). Последний раз Иоанн Креститель упоминался в связи с его заточением в тюрьму (4:12). Вероятно, оттуда он следил за действиями Того, Чей путь он призван был подготовить. В данном фрагменте мы видим не только его суждение о миссии Иисуса (2,3), но и мнение Иисуса об Иоанне (7–15) и Его комментарии по поводу того, как их служение воспринимается людьми (16–19).

Вопрос, заданный Иоанном, показывает, что его удивил стиль служения Иисуса. Суровый суд, который он проповедовал сам (3:11,12), еще не оформился в строгое учение, а забота Иисуса об обездоленных и занимающих невысокое положение в обществе несколько снизили в его глазах образ Иисуса, нарисованный им для себя. В ответ Иисус процитировал ветхозаветные тексты (в основном, Ис. 35:5,6 и 61:1,2), подчеркнув через них ясное и видимое исполнение пророчеств, которое свершилось через Его служение, описанное в гл. 8,9. То, что Иоанну казалось неожиданным, на деле было актами милосердия, «деяниями Мессии» (*дела Христовы* в ст. 2). Не признававшим их трудно было воспринимать Иисуса как Мессию (6; *соблазнится о Мне*).

Несмотря на этот не высказанный прямо упрек, Иисус продолжает рассматривать Иоанна в качестве истинного пророка, и даже более. В его яркой, необычной, но наглядной проповеди Евангелия народ отчетливо различал голос вестника Божьего. Но при всей своей значимости Иоанн был лишь предшественником грядущего за ним (10; цитата из Мал. 3:1), последний и самый большой из пророков, по силе соизмеримый с *Илией*, которому надлежало прийти в последние дни (Мал. 4:5,6). *Царство Небесное*, объявленное Богом, началось с Иисуса, а Иоанн стоял лишь на его пороге (как показывает его двойственный ответ Иисусу). В ст. 13 подчеркивается, что в *законе* не в меньшей степени, чем в *пророках* дано полное откровение об Иисусе и исполнении в Нем ветхозаветных ожиданий (ср.: 5:17).

Но разные стили служения и благовествования Иоанна и Иисуса вызвали неприятие части населения, о чем красочно рассказывается в маленькой притче (16— 19). Иоанн за свой аскетический образ жизни прослыл фанатиком, а доступность Иисуса считалась предосудительной. Но *мудрость* Божья выше человеческих предрассудков и *оправдывается* теми самыми *действиями* и поступками, которые презренны у людей.

Примечания. 7 *Трость ли, ветром колеблемую?* Деталь ландшафта пустыни используется в иносказательном смысле. Речь идет о человеке с гибким податливым характером, каковым отнюдь не был Иоанн. **12** В NIV дается вариант истолкования этого трудного текста, связывающий его с Лк. 16:16. Но язык этих двух текстов значительно отличается, и более естественно звучит вариант: «Царство Небесное силою берется, и сильные люди овладевают им».

В такой интерпретации речь идет о мощном противостоянии, которое всегда встречают дела Божьи (что уже удостоверено заточением в тюрьму Иоанна, а далее проявится в официальном отвержении и вынесении приговора Иисусу).

11:20–24 Отвергнувшие служение Иисуса (см.: Лк. 10:12–15). О враждебном

отношении к Иисусу, упоминавшемся в ст. 16–19, теперь говорится более подробно. Указанные три города были расположены вблизи друг друга на берегу Галилейского моря, где до сих пор проходило служение Иисуса. Даже пресловутые языческие города, суд над которыми объявлен в Ветхом Завете (*Тир, Сидон и Содом*), вероятно, были более восприимчивы к тому, что со всей очевидностью составляло работу Бога. Примечательно, что Иисус считал *чудеса* единственным, что может побудить людей к *покаянию*. Сколь же велико было Его благовествование в этих городах!

11:25–30 Откликнувшиеся на служение Иисуса (см.: Лк. 10:21,22). На Его весть откликнулись лишь *малые дети* и *труждающиеся и обремененные*. Причина — в особых отношениях Иисуса с Богом как Сына с Отцом. Эти уникальные взаимоотношения, к которым мы могли бы приобщиться, недоступны нашему пониманию и могут быть *раскрыты* только *свыше*. Инициатива исходит от Отца, Который *раскрывает* смысл служения Иисуса (25,26), и от Сына, Который *открывает* характер Отца (27).

Иго (ярмо) предназначено для облегчения переноса тяжестей. Но оно также символизирует собой послушание и принятие ответственности на себя. Раввины часто говорят «об иге закона», а их предписания, действительно, весьма утяжеляли бремя законничества. Напротив, иго Иисуса *благо*, и бремя *Его легко*, и не потому, что Он не предъявляет строгих требований к Своим ученикам (см.: гл. 5), но потому что мы становимся учениками Того, Кто *кроток и смирен сердцем*. Это и лежит в основе Его призыва: *при идите ко Мне*.

12:1—14 Фарисеи и суббота (см.: Мк. 2:23 — 3:6; Лк. 6:1—11). Эти две истории проясняют, почему некоторые из современников Иисуса находили Его миссию неприемлемой. По их представлениям, Он был опасным реформатором, подрывающим основы, каковыми были послушание и соблюдение закона, лежащие в самой сердцевине их религии. Отсюда и их решение погубить Его (14).

Обе истории развиваются вокруг закона о субботе. Ясная ветхозаветная заповедь «помни день субботний» была обнесена частоколом второстепенных предписаний по поводу того, что не позволялось делать в субботу. В частности, запрещалось собирать плоды или срывать колосья и исцелять болезни, не представляющие непосредственной угрозы для жизни. В рассказе подчеркивается, что Иисус не следовал этим требованиям, однако нет и намек на то, что Он отвергал требование соблюдать субботу как таковое. Проблема в том, как это понимать и кто имел право толковать.

Иисус берет на Себя ответственность за решение этой проблемы (3—8) и заявляет о Своем праве распоряжаться в данной ситуации, как это делал Давид (1 Цар. 21:1—6) и как должны были поступать храмовые священники при исполнении своих обязанностей. Фактически Иисус заявил о Своем праве быть, по меньшей мере, равным Давиду и *больше храма*; тот же аргумент приводится и далее в ст. 41,42. Имея такой статус, Иисус, несомненно, является *господином и субботы*. Такое ниспровержение фарисейских традиций гармонирует с принципом, раскрытым Осией, который гласит, что Бог более хочет милости, чем жертвы (Ос. 6:6; см.: также 9:13).

Исцеление *сухорукого* могло совершиться и в будний день, но Иисус подчеркивает здесь лицемерие тех, кто делает исключение для животного (чтобы облегчить его страдания или избежать экономического ущерба?), но отказывает человеку. С непререкаемым авторитетом Он заявляет: *можно в субботы делать добро*, что в корне противоречит фарисейской тенденции увеличивать число предписаний закона. Неудивительно, что они выступали против человека, который столь открыто противостоял их авторитету, а также и принципам, которые они проповедовали.

Примечания. 5 Возможно, речь идет о «работе» священников, когда они осуществляют в субботу жертвоприношения, или, что более вероятно, о жатве первых снопов, что позволяли себе в субботу фарисеи (но не саддукеи). **6** *Тот, Кто больше* (см.: 12:41,42). Это относится ко всей миссии Иисуса (и Его сподвижников?), которая заменяет храм как средоточие присутствия Бога среди Своего народа.

12:15—21 Ответ Иисуса Своим противникам. В ответ на угрозу насилия Иисус

решил на время *удалиться*, чтобы успокоить волнение в народе. В этом Матфей видит исполнение пророчества, записанного в Ис. 42:1—4, о характере смиренном, кротком, но достигающем в итоге триумфа. Это первая из так называемых «Песен раба», которые время от времени повторяются в Ис. 40—55, при этом из последней Матфей уже приводил пример, иллюстрирующий другой аспект миссии Иисуса (8:17).

12:22—37 Иисуса обвиняют в сотрудничестве с сатаной (см.: Мк. 3:22—30; Лк. 11:14—23; 12:10; 6:43—45). Теперь противостояние обретает более «богословское» звучание. Признавая сверхъестественную силу Иисуса, Его оппоненты приписывают ее не Богу, но сатане. Иисус прежде всего показывает им несостоятельность такого обвинения, а затем подчеркивает его серьезность как *хулы на Духа*. Здесь ясно подчеркивается, как важно выбирать слова.

Эта неожиданная атака связана со сценой изгнания бесов, похожей на описанную в 9:32—34, где Матфей тоже отмечает, что Иисуса обвиняют в использовании бесовской силы. Мощное воздействие силы Иисуса более нейтральных наблюдателей привело к заключению, что Он был Сыном Давидовым, Мессией, Который действовал силой Божьей. Поскольку *фарисеи* уже выступили против такого объяснения (12:14), они вынуждены были искать другое, более адекватно раскрывающее Его сверхчеловеческую власть, и приписали действие Его силы сговору с сатаной.

Во-первых, Иисус (25,26) просто указал на глупость такого предположения: сатана не будет сражаться против своих же собственных сторонников! Во-вторых, (27) Иисус напомнил им, что не только Он изгоняет бесов; означает ли это, что все они в сговоре с сатаной? В-третьих, и это самое главное (28,29), Он показал, что, напротив, Его сражение с силами духовного зла было знаменем нерушимости Царствия Божьего и поражения сатаны, *сильного*. Это признак не демонической силы, но действия Духа Божьего. В этом коренное отличие тех, кто признает деяния Бога и кто поэтому с Ним (30: *со Мною*), от тех, кто приписывает деяния Бога Его главному врагу, тем показывая, что сами они против Иисуса (30: *против Меня*). Их *хула на Святого Духа* указывает, что они осознанно избрали свою позицию и стали на сторону сатаны, тем самым лишив себя возможности получить прощение.

В этом контексте необходимо рассмотреть и страшные ст. 31,32. Неправомерное применение этих слов к другим ситуациям, не похожим на ту, к которой они относились (преднамеренное искажение истины фарисеями), причиняло боль многим людям. Но Иисус говорит здесь не о согрешениях и ошибках, которые мы время от времени совершаем, но о твердом и осознанном решении противостоять деяниям Божьим.

В ст. 32—37 предостережения продолжают; приводятся яркие иллюстрации, краткие красочные изречения, показывающие опасность бездумного использования праздных слов. Слова, которые мы произносим, показывают что, на самом деле мы из себя представляем, а потому *праздные*, брошенные на ветер слова и произнесенные речи могут послужить основанием для осуждения.

Примечания. 24 *Веельзевул* известен как аккаронский (ханаанский) бог, «Повелитель мух» (4 Цар. 1:2). Во времена Иисуса это имя в несколько измененной форме стало нарицательным, обозначающим главу бесов, или сатану. **27** О других иудеях, изгонявших бесов, говорится в Мк. 9:38; Деян. 19:13. В иудейской литературе тоже упоминается несколько таких человек. **28** Это один из самых ясных текстов, где говорится, что в служении Иисуса было явлено *Царствие Божие* как уже присутствующее и активно действующее, а не только как грядущее. **29** Это притча. Расхитить дом грабителя можно, если только вначале одолеть его. Иисус, изгоняя бесов, показал, что Своей силой уже одолел сатану. **30** Ср.: Мк. 9:40: «Ибо, кто не против вас, тот за вас»; оба варианта отвергают нейтральную позицию. **32** Это удивительное противопоставление, возможно, отражает тот факт, что ученики Иисуса смогли признать в Нем *Сына Человеческого* в Его земном пребывании инкогнито.

12:38—45 Предостережение «роду сему» (см.: Лк. 11:16,24—26,29—32). Просьба сотворить чудо (*знамение*) повторяется в 16:1 — 4. Здесь она естественно вытекает из предыдущих споров; если Иисус утверждает, что Его сила исходит от Бога, то должен

доказать это. Неверие, которое лежит в основе этой просьбы, — отличительный признак *сего рода* (ср.: 11:16—19), а повторение этой фразы в ст. 39,41,42,45 особо выделяет этот отрывок.

Отказ Иисуса сотворить особое *знамение* рассматривается с позиций представления о Его силе, превышающей силу Ионы или Соломона (ср. ст. 6, где приводится тот же аргумент по отношению к храму и его священникам). Если даже язычники смогли распознать присутствие Бога в этих великих мужах ветхозаветной эпохи, почему *сей* [иудейский] *родне* мог признать власти Того, в Ком все ее атрибуты (пророк, священник, царь, мудрец) нашли свое исполнение? Отвержение призыва такого мужа могло привести только к суду.

Притча о бездомном *нечистом духе* (43—45) остерегает от нерешительности, замедленной реакции. Даже если предупреждения Иисуса о суде приводят к «покаянию», но если это не способствует изменению образа жизни и не побуждает человека следовать за Ним, тогда в его сердце образуется пустота, которую и может заполнить дьявол.

Примечания. 39,40 Чудодейственное избавление Ионы удостоверило его проповедь; воскресение Иисуса аналогичным образом подтвердит Его слова. *Три дня и три ночи* — это еврейская идиома, обозначающая трое суток. Согласно принятому в то время расчету, часть суток рассматривалась как целое (т. е. сутки), (ср.: 1 Цар. 30:12,13; Есф. 4:16—5:1).

12:46—50 Семья Иисуса (см.: Мк. 3:31 — 35; Лк. 8:19—21). Матфей не говорит нам, что ответили мать и братья Иисуса на Его поучение. Однако то, что они находились *вне дома*, то есть вне круга Его учеников, указывает на их непосвященность по крайней мере. Противопоставляя семейные узы отношениям в большой «семье» тех, *кто будет исполнять волю Отца... Небесного*, Иисус подчеркивал условие призыва к ученикам, но также и награду, их ожидающую. Широкое разнообразие откликов на призыв Иисуса, которые представлены в гл. 11,12, завершается здесь ободряющим заявлением о новой «семье», которая возникла вокруг него.

13:1—52 Третья беседа: учение Иисуса в притчах

В гл. 11,12 показано глубокое разделение среди тех, кто слушал поучения Иисуса, и целый спектр откликов на него. Притчи, которые составляют основную часть гл. 13, теперь призваны разъяснить, почему проповедь слова Божьего встречает такую разнообразную реакцию, и подчеркнуть непреходящую важность выбора.

Эта беседа построена в определенном порядке. Во-первых, она предваряется вступительной притчей о сеятеле (3—9). Затем следует вставка, в которой внимание сосредоточено на предназначении притчей (10—17) и разъясняется притча о сеятеле (18—23). Далее идут три притчи о росте сорняков (24—30), горчичного семени (31,32), а также о закваске (33). После этого снова появляется вставка, которая раскрывает назначение притчей (34,35) и включает в себя разъяснение притчи о пшенице и плевелах, а затем следуют еще три притчи: о сокровище (44), жемчужине (45,46) и неводе (45,46). В заключение приводится притча о хозяине (51,52).

В этом отрывке собрано восемь притч, разъясняется их назначение и смысл двух ключевых притч.

Мы обычно рассматриваем *притчу* как иллюстративный материал для сравнения, но греческое слово *parabole* имеет более широкое значение. Оно несет в себе определенный подтекст, который не выявляется на поверхности, то есть притча нуждается в истолковании. Подобно карикатуре, она сама по себе просто иллюстрация или рассказ и требует расшифровки, раскрытия смысла. Именно поэтому одна и та же притча безо всякого объяснения может одних затронуть, других оставить равнодушными. Именно об этом говорится в ключевых ст. 10—17, где противопоставляется духовное прозрение учеников и духовная слепота людей, которые не откликнулись на послание.

Каждая из этих притч, несомненно, о Царстве Небесном. В них говорится о правилах и парадоксах нового порядка, который пришел установить Иисус и который люди воспринимали столь неоднозначно.

13:1–9,18–23 Притча о сеятеле (и ее истолкование) (см.: Мк. 4:1–9,13–20; Лк. 8:4–8,11–15). Вероятно, ученикам Иисуса было трудно понять, почему Его возвешение Царства Божьего, на которое они с таким энтузиазмом откликнулись, другие люди восприняли совсем не так. Эта притча, содержащая четыре «картины», показывает, что ответ зависит не только от послания, вести (во всех случаях сеется одно и то же семя), но и от готовности слушателей принять ее. Три типа неплодородной почвы (*при дороге, места каменистые и терние*) в ст. 19–22 — это иносказание, подразумевающее три категории слушателей: тех, кто просто не желает слушать, тех, чей отклик оказывается поверхностным, и тех, кто занят своими собственными проблемами. Эти три категории были хорошо известны любому проповеднику как в те времена, так и теперь. Поэтому ученики не должны удивляться столь различной реакции на проповедь Иисуса.

Виноваты слушатели, а не весть. Когда семя попадает *на добрую землю*, оно дает хорош и и урожай. Тем самым Иисус убеждает Своих учеников в том, что, несмотря на существование враждебных сил и отсутствие надлежащего отклика, урожай созреет непременно. Однако даже на хорошей почве урожай разный: *во сто крат... в шестьдесят, иное же в тридцать*. Другими словами, последователи Иисуса не будут в Царстве Божьем на один манер, там будет место и для простого, и для незаурядного.

Как и в 7:24–27, важно не просто слушать, но *и разуметь* (19,23). Таким образом, притча о сеятеле подводит нас к ст. 10–17, где проводится резкая грань между слушателями, которые не понимают эти притчи, и теми, кто владеет секретом, помогающим раскрыть их суть. Так что в определенном смысле это притча о притчах. Отсюда вполне закономерен вывод, сделанный в ст. 9 и обращенный ко всем нам: от того, как мы слушаем, зависит, будет ли наше ученичество плодотворным.

Примечание. 1 Параллель между частным домом (ср.: 36) и большой аудиторией на берегу озера символизирует различие между народом, который Иисус обучает только на примере притч, и учениками, которым Он истолковывает эти притчи в частной обстановке.

13:10–17 Как воздействуют притчи на людей (ср.: Мк. 4:10–12,25; Лк. 8:9,10,18; 10:23,24). Как сказано в ст. 12, то, что вы получаете, зависит от того, что вы вкладываете. Так и в случае притч; на одну и ту же весть, как показывает притча о сеятеле, люди откликаются по-разному — в зависимости оттого, как они воспринимают услышанное. Разъясняя Свои притчи ученикам, Иисус открывает им *тайны Царствия Небесного*. Оно имеет свою логику, которую нельзя постичь человеческим разумом; его истины должны быть открыты. Быть учеником — означает обучаться в школе откровения.

Лишенные духовного слуха, никогда не смогут преодолеть «слухового барьера» и будут воспринимать весть лишь поверхностно, а это не принесет им никакой пользы. Ярко живописует такое положение Исайя (Ис. 6:9,10). Принадлежать к ученикам Иисуса — привилегия гораздо большая, чем та, которой радовались величайшие мужи Божьи прошлых эпох (*пророки и праведники*), имевшие самое общее представление о небесном царстве и еще не осознававшие его реальности.

Иисус говорит здесь не о том, что притчи предназначены для сокрытия истины и, следовательно, для того, чтобы держать людей вне небесного царства, но о том, что каждый способен проникнуть в их суть. Эта способность дарована ученикам и ни в коей мере не является результатом заключений человеческого разума. Но в этом фрагменте не ставится вопрос, как человек становится учеником. Предположительно, ученики, к которым обращался Иисус, сами некогда были непросвещенными; если они смогли узнать *тайны* через служение Иисуса, то и другие могут тоже. Но пока существуют различные группы людей и есть разные типы почв, в которые сеется семя, притчи будут продолжать раскрывать эти различия.

13:24–30,36–43 Притча о сорняках (и ее истолкование). Часто трудно отличить истинных учеников, как это выяснилось в 7:15–27. Эта притча предупреждает нас о том, что окончательная проверка не производится по внешним проявлениям сейчас, но — на последнем суде. До тех пор ученики должны проявлять терпение и не ожидать, что каждому из них может быть предоставлено отдельное, чистое место обитания. Церковь на земле всегда

будет смешанным сообществом.

В истолковании притчи (36–43) внимание сфокусировано на разделении людей в последний день и на разных судьбах, которые ожидают нечестивых и праведных. Если на земле нет полной ясности в этом вопросе, то *при кончине века* эта неопределенность полностью исчезнет.

Примечания. 25 Сорняки здесь представлены плевелом, который на ранних стадиях роста практически неотличим от пшеницы и так тесно переплетается с ней, что его нельзя вырвать, не повредив пшеницы. **41** Упомянув о небесном царстве как о *Царстве Сына Человеческого*, Иисус тем самым заявляет о Своем верховном владычестве (ср.: 16:28; 19:28; 25:31–46).

13:31–35 Другие притчи о росте и развитии (см.: Мк. 4:30–34; Лк. 13:18–21). Притчи о горчичном зерне (семени) и закваске говорят о том, что все начинается с малого. *Горчичное зерно* стало нарицательным для обозначения ничтожно малого (ср.: 17:20), вместе с тем из него вырастает растение высотой до 3 м. Пригоршня *закваски* способна заквасить тесто, замешанное из *трех мер муки* (из которого можно испечь хлеба на 100 человек). Так и деяния Божьи — *Небесное Царство* — могут вначале не производить впечатления, но внешность обманчива, поэтому никто не способен предугадать, что будет в конце. Вместе с тем ученики должны проявлять терпение. Человеческие оценки не способны проникнуть в существо дела; малое становится великим, когда действует Бог.

В ст. 34 подчеркивается важность учения о притчах (см.: ст. 10–17), а в ст. 35 Матфей приводит другую формулу–цитату, заимствованную из Пс. 77:2, чтобы показать, что метод, использованный Иисусом, предвозвещен еще в Ветхом Завете.

13:44–52 Другие притчи. Притчи о *сокровище* и *жемчужине* составляют одно целое и иллюстрируют полную посвященность, которой требует *Царство Небесное*. Нет жертвы, которую можно было бы считать слишком большой, и никакое препятствие на пути не должно помешать достижению этой цели. Однако речь не идет о том, что следует просто «отбросить» все, но о *радостном* исполнении задуманного. Есть нечто такое в вести о Царстве Небесном, что заставляет предпринимать крайне необычные действия для его достижения.

Притча о *неводе* тесно связана с притчей о пшенице и плевелах, в ней используется тот же язык (ср. ст. 49,50 со ст. 40–42).

В ст. 51 сказано, что, как и обещал Иисус (И), ученики *поняли* смысл притч (ср.: ст. 13,14,15,19,23 о важности «разумения»). В данном случае, они поняли весть о *Небесном Царстве* и, подобно книжникам {*законоучителям*}, учившим Израиль, смогут научить других путям Божьим. Притча о хозяине дома призывает их выполнить эту свою миссию. Истины, которые они должны были донести до других, включали весть о *новых сокровищах* учения Иисуса и *старых* истинах, которые могли преподать книжники–иудеи. Для Иисуса это «новое» учение уходит корнями в «сокровенное от создания мира» (35), освещая вечные истины Божьи.

13:53 — 16:20 Новые отклики на общественное служение Иисуса

Повествование Матфея достигает своей кульминации, когда Петр признает Иисуса как Мессию и Сына Божьего. К этому ключевому моменту ведут несколько слабо связанных между собой историй, которые продолжают иллюстрировать разную реакцию людей на служение Иисуса. Здесь говорится и об укреплении оппозиции книжников, фарисеев и саддукеев, и о продолжающейся демонстрации чудодейственной силы Иисуса, что позволило, по крайней мере, некоторым предвосхитить великое исповедание Петра (14:33).

13:53–58 Отсутствие веры в Назарете (см.: Мк. 6:1–6; ср.: Лк. 4:16–30). Как сказано в 4:13, Иисус обосновался в Капернауме, и Его служение стало известным в прибрежной области. Возвращение Иисуса в *родные места* — отдаленное горное селение Назарет — вызвало среди его земляков предсказуемую реакцию. Как и члены Его собственной семьи

(12:46–50), все жители Назарета не воспринимали Его всерьез. В ст. 57 подводится общий итог притч, который можно передать следующим образом: «Нет пророка в своем отечестве».

Примечания. 55,56 *Плотник* был основным подрядчиком в строительных работах, и его старший сын обычно наследовал профессию отца. *Братья и сестры* (дети Иосифа и Марии после рождения Иисуса) Иисуса известны лишь по именам, за исключением *Иакова*, который позднее стал одним из руководителей церкви. 58 О связи между чудесами и верой для сравнения см.: 8:10—13; 9:2,22,28,29.

14:1–12 Реакция Ирода Антипы (см.: Мк. 6:14–29; Лк. 9:7–9; 3:19,20). *Ирод четверовластник* — это Ирод Антипа, правитель Галилеи и сын Ирода, во время царствования которого родился Иисус (гл. 2). Рассказы о чудесах, совершенных Иисусом, в сочетании с тем, что сам Ирод в глубине души сожалел о своем приказе убить Иоанна Крестителя (отданном по слабости), привели его к странной мысли о том, что это *он воскрес из мертвых*.

Последний раз Матфей упоминает об Иоанне в 4:12; 11:2 (когда он находился в заточении), а теперь объясняет, что произошло. Ирод, в нарушение иудейских законов (Лев. 18:16), женился на жене своего сводного брата, хотя и Ирод, и Иродиада развелись со своими прежними супругами, чтобы вступить в этот брак. Однако это был не только политически неверный, но и скандальный с точки зрения религии шаг, а потому его публичное осуждение Иоанном губительно сказывалось на репутации Ирода среди иудеев. Поэтому Иоанн не только доставлял неприятности Ироду, но также (как пишет Иосиф Флавий) представлял угрозу его политической безопасности.

Сообщая Иисусу о смерти Иоанна, *ученики Иоаннати* самым показывали, что признают Иисуса его истинным «последователем», как уже отмечалось в 11:17–19 и как далее (в 21:23–32) подтвердит Сам Иисус. Последующий уход Иисуса (13) позволяет полагать, что Он знал об опасности этой Его «связи» с Иоанном в глазах Ирода.

14:13–21 Чудо насыщения голодных (см.: Мк. 6:32–44; Лк. 9:10–17). У Луки говорится, что *уединенным местом* была Вифсаида, расположенная на северном, противоположном берегу озера, на территории, не подвластной Ироду Антипе. Тот факт, что *множество людей* поспешило пойти за Иисусом, показывает, как и в Ин. 6:14,15, что это было не случайное сборище, но организованное движение народных масс с целью побудить Иисуса принять политическое решение (см. коммент. к ст. 21 ниже).

Матфей, однако, не привлекает внимания к этой теме. Для него эта история была живым свидетельством *сострадания* и проявления чудодейственной силы Иисуса. Иудейские читатели не могли не заметить здесь параллели с двумя чудесами насыщения голодных в Ветхом Завете: ниспосланием манны в пустыне (Исх. 16) и умножением хлебов Елисеем (4 Цар. 4:42–44). Иисус снова показан как «большой» (ср.: 12:6,41,42), чем древние пророки.

Участие в совместной трапезе было символом единства. Иисус выступал в роли хозяина огромной семьи и тем самым приглашал собравшийся народ войти в новое сообщество. Хотя трапеза не отличалась чем-то необычным, эту пищу мы, вероятно, должны рассматривать как предвкушение мессианского пира (см.: 8:11,12); слово *возлечь* отражает довольно формальное приглашение принять удобную позу на пиру. Вряд ли можно считать случайным, что здесь (19) используются те же самые глаголы, что и при описании Вечери Господней. Еда, естественно, предназначалась для утоления голода (20), но Матфей, вероятно, видит в этом и символический акт причащения, приобщения к Небесному Царству.

Своим *повелением ученикам* (16) Иисус преднамеренно подключает их к действию, участию в раздаче пищи, которую Он дарует. Участвуя в этом (и особенно на опыте познавая открывшееся им), они смогли запомнить и сделать соответствующие выводы из этой ситуации; и то, чему они научились там, должно было подвергнуться проверке позднее (16:5–12).

Примечания. 19 *Хлеб и рыба* были основной пищей крестьян в Галилее. **20** *Двенадцать коробов.* Двенадцать — скорее для запоминания, чем в символическом смысле; вероятно, каждый из двенадцати учеников имел по коробу. **21** *Кроме женщин и детей*

можно воспринимать как указание на то, что присутствовали только мужчины, но скорее это перекликается с Исх. 12:37, где аналогичная фраза указывает на принятый порядок подсчета взрослого народа Божьего.

14:22,23 Хождение по воде (см.: Мк. 6:45—52). Совершенное прилюдно чудо умножения хлебов сменяется чудом, свидетелями которого были лишь ученики; оно показывает власть Иисуса и над силами природы. Эти два чуда побудили их по-новому оценить Иисуса, признать Его силу, которая превышает человеческой (33).

Едва ли удивительна реакция учеников, то, что в такую плохую погоду, в предрассветные часы на море (*четвертая стража* соответствует времени от 3 до 6 часов утра) они закричали от ужаса при Его внезапном появлении (*Это призрак*). Но что действительно вызывает удивление, так это неожиданное предложение Петра присоединиться к Иисусу, идущему по воде.

В Евангелиях Петр иногда описывается как импульсивный по характеру, склонный к злонамеренным поступкам. Можно предположить, что здесь нам дается не пример огромной веры, но дурачества, может быть, желания приобщиться к силе Иисуса, властелина природы. Однако Иисус поддержал его в этом намерении, и поначалу все шло хорошо. Очевидно, что Матфей хотел изобразить это как акт истинной веры, даже несмотря на то, что он и не увенчался успехом.

В любом случае, в конце истории Петр стал образцом *слабой веры и сомнения*, что послужило наглядным уроком для учеников, которые отвели свой взор от Иисуса и сосредоточили свое внимание на угрожающей стихии.

Примечания. 22 Срочный уход Иисуса, возможно, определялся тем, что и *ученики*, и *народ* могли попытаться втянуть Его в политическое противостояние властям (Ин. 6:14,15). **33** Эта инстинктивная реакция на непостижимый для разума опыт предваряет более обдуманное богословское заявление Петра в 16:16.

14:34—36 Иисус исцеляет (см.: Мк. 6:53—56). По возвращении в область, где был правителем Ирод, Иисус снова оказался в центре внимания. Его популярность объяснялась, в частности, чудесами исцеления, которые Он совершал. В итоге Матфей отмечает, что отдельные записанные рассказы не позволяют оценить истинных масштабов совершенных Им исцелений. *Чтобы только прикоснуться к краю одежды Его* — почти механическое желание, однако, как подразумевается в сцене исцеления в 9:20–22, на самом деле это очень личная встреча с Иисусом.

15:1—20 Чистота и благочестие (см.: Мк. 7:1–23; ср.: Лк. 11:37–41; 6:39). Противостояние Иисусу никогда не ослабевало. Здесь снова (как и в 9:3,11,34; 12:2,14,24,38) выступают против Него *книжники и фарисеи*, но теперь приводится серьезнейшее дополнение: они пришли *из Иерусалима*. Возможно, это была официальная делегация с целью разобраться в Его кажущемся парадоксальным учении, которое не вписывалось в рамки раввинистических предписаний. Далее становится все более понятным, что именно *от иерусалимских* иудеев Иисус ожидал неприятностей (16:21; 20:18 и др.).

Умывать руки перед едой было не просто вопросом гигиены, но и религиозным обрядом. Ветхозаветный закон таких правил не предусматривал, за исключением священников, исполняющих обрядовые предписания (Исх. 30:17—21). Фарисейские установления, однако, распространили этот принцип и на повседневную жизнь, и Иисус как религиозный учитель должен был, по их представлениям, требовать от Своих учеников исполнения предписаний о ритуальной чистоте.

Ответ Иисуса на это обвинение дается в ст. 10,11. Он первым начинает критиковать их претензию на религиозный авторитет. Он утверждает, что их *предания* фактически заставили их преступить *заповедь Божию*. Тем самым Иисус проводит четкое разграничение между ветхозаветным законом (*заповедь Божию*; б) и человеческими установлениями, и Его цитата из Ис. 29:13 показывает, что религия, основанная на них, пустая и отдаляет от Бога.

Он иллюстрирует этот тезис на примере того, как ветхозаветный принцип уважительного отношения к родителям (Исх. 20:12; 21:17) был подорван раввинистическими

установлениями, позволявшими человеку отказать своим родителям в финансовой помощи путем номинального посвящения ее Богу (на деле же использовать ее в собственных целях). Так ветхозаветное правило было цинично извращено, что в итоге привело к нарушению одной из фундаментальных заповедей. (Заметим, что пятая заповедь введена *Богом*, а не установлена по закону Моисея).

Теперь Иисус идет дальше простой защиты ветхозаветного закона. Возвращаясь к конкретному вопросу о чистом и нечистом в ст. 11, Он выдвигает кардинальный принцип, который в итоге должен привести Его последователей к отвержению ветхозаветных законов о пище. Иисус заявил, что «нечистота» определяется не тем, что ест человек, но тем, что исходит из его уст. Это был урок, который с таким трудом усвоил Петр (Деян. 10:9—15). Но в Израиле законы о чистой и нечистой пище долгое время препятствовали тому, чтобы христиане из язычников принимались в церкви на равных с иудеями. Матфей не рассматривает здесь эту проблему (хотя это есть в Мк. 7:19), но она достаточно понятна и в ст. 17—20 еще больше проясняется.

Это серьезно затрагивало религиозные притязания фарисеев. Иисус, однако, не защищает их, и даже идет дальше, сравнивая фарисеев с *растением*, которое не насаждал Бог, а потому оно должно быть искоренено, как сорняк. Сравнивает Он их и со *слепыми вождями*, которые могут вести только к беде. Этот суровый приговор выражает не столько личные эмоции, сколько полное неприятие такого подхода к религии, когда на первом месте стоит внешняя религиозная атрибутика и игнорируется реальная человеческая личность.

Несомненно, существует, на первый взгляд, некая дисгармония между обвинениями Иисуса в подрыве основ закона Божьего и тем, что далее речь идет об упразднении принципа «нечистоты», на котором часть этого закона зиждится. Но здесь, как и в гл. 5, Иисус обращает внимание не столько на внешний аспект этого закона, сколько на его суть: если имеет значение и внешняя чистота, то насколько важнее внутренняя сущность. Он не касается тех законов, которые не имеют практического значения в новом сообществе народа Божьего, состоящего как из бывших язычников, так и иудеев (20).

Примечания. 15 Здесь слова *притча* используется в более широком смысле как непонятное высказывание, которое нуждается в объяснении. **16** *Не понимаете*. Ср.: необходимость понимания притч в 13:13, 14,15,19,23. Здесь также только ученикам дается разъяснение непонятного высказывания, которое для других остается нераскрытым.

15:21—28 Вера женщины–язычницы (см.: Мк. 7:24—30). Тема осквернения теперь повторяется и решается в практической плоскости. Иисус, иудейский учитель, пришел в языческую область, и к Нему обратилась местная женщина, дочь которой была одержима бесами. Происшедший между ними диалог сосредоточил внимание на вопросе, могут ли язычники ожидать какого–то благодеяния от Мессии (*Сына Давидова*).

Эта история очень похожа на то, что произошло со слугой сотника (8:5—13). При этом разница не только в том, что вера была вознаграждена исцеляющим словом, произнесенным на расстоянии, но и в том, что национальные распри стали испытанием веры. Матфей особо подчеркивает последнее, называя национальность женщины — *хананеянка*. Согласно Ветхому Завету, хананеи были давнишними врагами израильтян.

Пугающее молчание Иисуса (23) сменилось еще более обескураживающим заявлением о цели Своей миссии (24; ср.: 10:5,6). Казалось бы, Его слова не оставляли ей никакой надежды, но она продолжала настаивать, прося о помощи даже тогда, когда получила в ответ больно ранящие слова — сравнение язычников с *псами* (собака была нечистым животным у иудеев).

Этот язык кажется невероятно жестким и совершенно не характерным для Иисуса, до этого приветствовавшего веру сотника–язычника как свидетельство грядущего благословения язычников наряду с иудеями. Возможно, это всего лишь внешняя сторона, и мы не видим того, что происходило в сердце Иисуса. Как бы то ни было, Он обращался с ней так, как можно было ожидать от иудея. Ее вера должна была пройти проверку. Ответ женщины (27) показывает, что она признавала приоритетность Его миссии для Израиля, но тем не менее требовала надлежащего внимания и к язычникам. Очевидно, что она проникла в замысел Божий,

существовавший еще со времен призвания Авраама (Быт. 12:1–3), замысел о том, что в назначенное время Бог откроет двери церкви и для неиудеев. Она была вознаграждена по своей вере.

15:29—31 Отклик язычников на проповедь Иисуса (ср.: Мк. 7:31–37). Исцелив большое число евреев (14:34—36), Иисус теперь приступает к исцелению язычников в местах их проживания. Марк рассказывает, что это происходило в Десятиградии, на юго-восточном побережье *Галилейского моря*, когда Иисус откликнулся на просьбу язычников, видевших действие Его исцеляющей силы (21—28). Титул *Бога Израилева* подтверждает, что эти люди сами не были иудеями.

15:32—39 Второе насыщение голодных (см.: Мк. 8:1—10). На первый взгляд кажется, что после аналогичной сцены в 14:13–21 это ненужный повтор. Однако число людей показывает, что речь идет о другом случае. Значение этого эпизода определяется контекстом: расширение миссии Иисуса, Его служение на территории язычников (15:21; только в ст. 39 говорится, что Он возвращается на иудейскую территорию). Таким образом, это намеренное повторение чуда насыщения голодных евреев специально для язычников, которые *прославляли Бога Израилева*. Если насыщение пяти тысяч было провозвестием мессианского пира, то данная история показывает (как уже предсказывалось в 8:11,12), что язычники тоже унаследуют благословение, обещанное израильтянам.

Эти истории различаются в деталях, но суть их одна и та же (см. коммент. к 14:13–21).

Примечание. 37 В оригинале более широкий термин *корзина*, использованный здесь, указывает на неиудейский контекст, в отличие от слова «короб», которое обозначает особый тип корзин у евреев.

16:1—12 Фарисеи и саддукеи (см.: Мк. 8:11–21; ср.: Лк. 11:16; 12:54–56; 12:1). Вернувшись на короткое время на иудейскую территорию, Иисус снова ощутил на себе противодействие властей. По поводу просьбы показать *знамения на небе* и отказа Христа, Который ссылается при этом на *знамение Ионы*, см. коммент. к 12:28—42. Здесь проиллюстрирован разительный контраст между скептицизмом иудеев и полным доверия радостным откликом язычников.

С вопросами к Иисусу приступили *фарисеи* и *саддукеи*. Такая их солидарность была несколько странной, так как богословские позиции и политические воззрения этих религиозных групп заметно различались. Но они должны были сотрудничать как члены высшего иудейского совета, синедриона. Такое единение двух разных партий в противостоянии Иисусу становится понятным далее (см. коммент. к 16:21), но и здесь оно уже обозначилось в достаточной мере, чтобы Иисус мог дать оценку этим двум партиям как единому фронту оппозиции (5–12).

Хотя Иисус ранее использовал метафору *закваски* как символ роста Царства Божьего (13:33), она иногда служит метафорой для обозначения возрастающего влияния сил зла (1 Кор. 5:6–8; Гал. 5:9). Здесь требование чудес было признаком скрытого противостояния служению Иисуса, и Иисус не хотел, чтобы Его ученики заразились этим скептицизмом.

Учеников, однако, заботили более материальные вещи, они думали о насущном хлебе! Забота об этом считалась признаком *слабой веры* (ср.: 6:25—34), особенно учитывая, что они сами дважды были очевидцами того, как Иисус смог удовлетворить их физические нужды.

Примечания. 2,3 Этот отрывок о приметах, предсказывающих погоду, отсутствует во многих ранних рукописях, возможно, он добавлен позднее на основе Лк. 12:54—56.

16:13–20 Заявление Петра (см.: Мк. 8:27–30; Лк. 9:18–21). Первая часть Евангелия достигает своего кульминационного момента, когда мы сталкиваемся с самой разной реакцией на служение Иисуса, проявляющего Свой Божественный авторитет. Мнения людей, собранные в ст. 14, свидетельствуют, что Иисус отнесен к пророкам. Петр выступает со знаменательным утверждением, к которому подводило все повествование: Иисус — Мессия, *Сын Бога*.

Удивительно, что во всех трех синоптических Евангелиях Иисус просит Своих учеников держать это в секрете. Причина станет ясной в ст. 22 и далее. Но только у Матфея ответ

Иисуса (17—19) позволяет полагать, что Петр сказал истину, однако открытие ее может вызвать неправильное истолкование. Действительно, это было откровение от Бога, и тот факт, что именно Петр получил его, показывает, какую важную роль он должен сыграть в развитии служения Мессии.

Имя *Петр* означает «камень», или «скала», и Иисус использует игру слов, предназначая Петру роль фундамента для народа Божьего. Он как руководитель церкви несет на себе обязательства слуги, домоуправителя, *ключи* которого символизируют его ответственность за порядок в доме. Петр дарованной ему властью должен объявить, что дозволяется и что запрещается в *Небесном Царстве* (*связать* и *разрешать, развязывать* — слова с тем же значением используются и в раввинистических писаниях). История первых лет христианской церкви, записанная в Деяниях, показывает, что Петр выполнил свое назначение. Но та же власть дана и другим ученикам (см.: 18:18). Петр выполнял данное ему поручение, он был назначенным руководителем церкви, но не господином.

Церковь будет основана Иисусом, а не Петром. *Церковь Мою* — это знаменательное заявление, поскольку греческое *ekklesia* (церковь) — ветхозаветное слово для обозначения народа *Божьего*! *Врата ада не одолеют* — поэтическое выражение, обозначающее победу над смертью; новое общество последователей Иисуса — это люди, которые никогда не умрут.

Примечания. 16 Здесь впервые у Матфея ученики Иисуса называют Его *Христом* (т. е. «Мессия»), хотя сам Матфей использует этот титул в 1:1,16,17,18; 2:4; 11:2. **18** Иногда высказывается мнение, что слово «камень», «скала» (*petra*) отличается от имени *Petros*, то есть слово «камень» относится не к самому Петру, а к только что произнесенному им исповеданию веры, когда он назвал Иисуса Мессией. Однако в арамейском варианте приводится одно и то же слово *kefa* в обоих случаях. Дело в том, что греческое слово *petra*, которое как раз и означает «камень», женского рода, а потому для имени Симона не подходит. Но отзвуки этого наречения заметны и в греческом: он — «камень» в том смысле, как обозначено выше. В тексте, естественно, и не может быть ничего сказано о церкви в Риме или других церквях сверх того, что Петру принадлежит уникальная роль в деле основания церкви. **19** . Будущее время глаголов совершенного вида («будет связано», «будет разрешено») позволяет полагать, что небесное решение определило роль Петра на земле.

16:21 — 18:35 Личное служение в Галилее; подготовка апостолов

Хотя Иисус остается на севере, центр повествования смещается в сторону Иерусалима. Иисус готовит Своих учеников к тому, что должно произойти. Им предстоит усвоить, что они — последователи не победоносного Мессии, но Того, Кто должен совершить Свою миссию через страдания и смерть. Это потребовало коренной перестройки их мышления, а потому с этого момента и до прибытия в Иерусалим (гл. 21) внимание Иисуса приковано к обучению учеников, а не к общественному служению.

16:21 — 17:27 Разъяснение миссии Иисуса

16:21–28 Смерть и слава (см.: **Мк. 8:31 — 9:1; Лк. 9:22–27**). Хотя эта сцена происходит вблизи Кесарии Филиппийской и история продолжается с 13—20, формула *с того времени Иисус начал* (ср.: 4:17) отмечает новую фазу служения Иисуса. Центром этого служения должен был стать Иерусалим, а кульминацией — крест. В ст. 21 приводится первая из трех формальных деклараций о грядущих событиях (ср.: 17:22,23; 20:17–19); начиная с этого времени, Его миссия становится маршем смерти, а ученики должны были научиться жить, осознавая, что их ожидает.

Для Петра, чье полное триумфальное заявление в ст. 16, вне всякого сомнения, взлелеяло надежду разделить славу с Мессией, это было, однако, уж слишком. Как и другие иудеи того времени, он, вероятно, представлял себе роль Мессии прежде всего как политического вождя

нации, а поражение и смерть (и, что еще хуже, отвержение правителями Израиля) никак не укладывались в его сознании. В этом выражалась сама суть человеческого мышления, и пока ученики Иисуса разделяли эту чисто человеческую точку зрения (*что человеческое*), миссия Иисуса (*что Божие*) для них не имела никакого смысла. Вот почему Иисус не поддержал их энтузиазма (20). Отсюда и его гневная реакция (23). Так камень в основании (18) стал камнем преткновения!

Разделить славу с Мессией означало вначале разделить с Ним Его унижение и самоотречение. *Взять свой крест* означает подвергнуться публичной экзекуции, а не просто страдать... (ср.: 27:32). Для ученика, так же как и для Учителя, это может означать буквальную смерть. Используя игру слов и парадокс (в ст. 25,26 одно и то же греч. слово означает и *жизнь*, и *душа*), Иисус ставит вопрос о том, что в действительности есть *жизнь* — есть более важные вещи, чем просто физическое выживание.

Ибо смерть для *Сына Человеческого* являла собой путь к славе. Именно Ему принадлежит последнее слово, а те, кто оставался верным Ему, будут вознаграждены. Иисус должен был умереть, но перед тем, как некоторые из Его последователей на земле *вкусят смерти* (через мученичество?), они должны увидеть, что Он одержал победу и ныне воцарился на небесном престоле. Каким образом они могут *узреть* это, не разъясняется. Возможно, это станет очевидным, как предварительное откровение, в событиях следующей недели (см. коммент. к 17:1) и во всей полноте раскроется через воскресение, вознесение и небесное правление Иисуса. О небесном воцарении Иисуса Матфей говорит в 28:18. По мере становления и роста Царства Божьего, церковь обретает все большую силу и духовное прозрение, позволяющее всем увидеть владычество Сына Человеческого.

Примечания. 21 *От старейшин и первосвященников и книжников.* Эти три группы были представлены и составляли синедрион — высший совет у иудеев. Таким образом, это свидетельствует об официальном отвержении израильского Мессии самым высоким израильским официальным органом. **28** См. выше: коммент. к 10:23 о важности использованного языка (см. параллели в Дан. 7:13,14) в описании *Сына Человеческого*. Это язык инаугурации, восхождения на престол и необязательно имеет отношение ко второму пришествию как таковому.

17:1–13 Видение славы Иисуса (см.: Мк. 9:2–13; Лк. 9:28–36). Указание точного времени (*по прошествии дней шести*), вероятно, призвано связать этот эпизод со словами Иисуса в 16:28, то есть здесь (1) в течение нескольких мгновений некоторые из тех, кто был с Иисусом, узрели Его царственную славу. Вся история рассказывается как первое откровение ученикам об истинной природе Иисуса. В противовес мрачным заявлениям в 16:21 и далее, это служит им ободрением. Верных после смерти ожидает слава, и трое учеников имели преимущество видеть ее за завесой, которая была временно поднята перед их взором. Заявление Иисуса дополняется тремя штрихами, представляя Его чем-то большим, чем просто Мессией-человеком.

Во-первых, Его *преображение*, осиянность светом (2) и появление *облака светлого* (5) показывают, что Он не просто говорит от имени Бога, но отличается от других пророков по Своей природе.

Во-вторых, Он связан с *Моисеем* и *Илией*, двумя величайшими личностями, через которых Бог спасал и говорил со Своим народом в прошлом (даже при том, что оба они, как и Иисус, пострадали, будучи отвергнуты народом Божьим). Оба они, как считалось в народе, должны были вернуться в начале мессианского века, так что их появление здесь — тоже в какой-то мере провозглашение Иисуса Мессией.

В-третьих, при крещении Иисуса (3:17) Бог Сам подтверждает, что это Его *Сын*. Если это так, то ученики должны *слушать Его*, однако они были напуганы тогда и, возможно, только позднее поняли Его слова (см.: 16:21 и дал.).

Все это было слишком трудно осознать. Неуместное предложение Петра сделать *три кущи* для Иисуса и Его высоких гостей было тактично проигнорировано! Эти три ученика, действительно, *очень испугались*, и им было запрещено рассказывать *о сем видении* (9; ср.:

16:20). Легко представить, каких неблагоприятных последствий можно было ожидать в результате неверного истолкования этого величественного зрелища.

В ст. 10—13 говорится, что ученики все же пытались понять смысл происшедшего: было ли это мимолетное видение обетованным возвращением Илии (Мал. 4:5,6)? Иисус указывал, что реальное исполнение этого пророчества уже произошло в проповеди и страданиях *Иоанна Крестителя*. Таким образом, тема неизбежных страданий, которые, как они надеялись, должны миновать, самым этим видением славы была подтверждена вновь.

Примечания. 1 *На гору высокую*. О какой горе идет речь, неизвестно. Возможно, это была гора Ермон — самая высокая в данном районе, расположенная вблизи *Кесарии Филипповой* (16:13). Однако есть и другие предположения. **4** Предложение Петра можно рассматривать как непроизвольное желание проявить гостеприимство, но может означать и то, что он хотел более основательно сосредоточиться на видении.

17:14–20 Сила веры (см.: Мк. 9:14–29; Лк. 9:37–43). После преобразования на горе Иисус возвращается к теме страдания и неверия. Большой человек, вероятно, страдал эпилепсией (симптомы этой болезни описываются в греч. редким словом, которое означает букв. «подвержен воздействию новолуния», «в новолуния беснуется», однако по всем признакам это могла быть эпилепсия), но Иисус исцеляет его как одержимого бесами. Неверие было характерно для всего *рода неверного и развращенного*, но Иисус сосредоточивает внимание на неудачной попытке учеников исцелить страждущего. Причина — в их *слабой вере*, скорее даже в ее отсутствии, так как в ст. 20 прямо говорится, что их веру нельзя сравнить и с *горчичным зерном*. Речь не идет о великой вере, малейшего проявления ее достаточно. Важно, что Бог, Которому посвящена эта вера, может совершить поистине невозможное (передвинуть горы).

17:22,23 Второе предупреждение о смерти Иисуса (см.: Мк. 9:30–32; Лк. 9:43–45). Этот фрагмент перекликается с 16:21, хотя здесь уже появляется зловещая тень *предательства*. Как и ранее, и в 17:9, Иисус говорит и о воскресении, и смерти, но по *реакции* учеников видно, что они не сосредоточились на этой части предсказания.

17:24–27 Налог на храм. Хотя большинство иудеев возмущалось римским налогообложением, ежегодный налог в размере *двух драхм* на содержание и обслуживание храма был для них делом национальной чести. Вопрос о *пошлинах* позволяет полагать, что Иисус теперь не выглядел выступающим против социальных установлений. И хотя как *Сын Божий* Он был свободен от разного рода налогов (ср.: 12:5,6: «Тот, Кто больше храма»), Он намеренно заплатил храмовый налог, чтобы «не соблазнить» других. Иисус мог прибегнуть при надобности и к обвинениям (см.: 15:12—14 и особенно гл. 23), но здесь был не тот случай.

Мы не знаем, пошел ли Петр и удалось ли ему поймать рыбу. Внимание сосредоточено здесь не на совершении чуда, а на отношении Иисуса к бытовавшим в обществе условностям.

18:1—35 Четвертая беседа: отношения между апостолами

Уже на этом этапе служения Иисус сформировал группу Своих сподвижников и говорил о созидании Своей церкви (16:18). В этой группе был заложен большой потенциал для благих свершений во взаимной заботе друг о друге, но содержалась и опасность для проявления злых деяний, если взаимоотношения портились. Изречения Иисуса составляют центральную тему главы. Представленное здесь учение Иисуса остается столь же актуальным для жизни местной общины сегодня, как и во времена Его служения в Галилее.

18:1–5 Истинное величие (см.: Мк. 9:33–37; Лк. 9:46–48). Любое человеческое общество стремится установить неофициальную иерархию, и в Евангелиях приводятся споры учеников по этому поводу. Превыше всех традиционных представлений о статусе и важности Иисус ставил *малое дитя* (ср.: 19:14). И речь шла не о присущих детям невинности и бескорыстии, но о положении ребенка в самом низу иерархической лестницы, его подчиненности авторитету, его зависимости и беспомощности. Воспринять такую концепцию (*кто умалится*) — значит считать самым важным во всем уподобляться смирению Христа,

принять Его (5). Такое состояние не является изначально данным: оно означает радикальную *перемену* в человеке (т. е. обращение).

18:6–9 Камни преткновения (ср.: Мк. 9:42–48; Лк. 17:1,2). Эти стихи связаны между собой греческим словом *skandalon* («камень преткновения») и производным от него глаголом *skandalizo* («споткнуться», «запнуться»). NIV передает это как «соблазнить», «побудить ко греху». Все, что стоит на пути последователей Иисуса, становится причиной падения (*соблазном*); недоброе слово или холодный прием — не менее чем все другое, вводящее в грех.

Эти камни преткновения могут быть положены другими (6,7) или самим человеком (8,9); и то и другое одинаково серьезно. Мы ответственны как за свое собственное духовное здоровье (отсюда яркая картина, данная в ст. 8,9, взывающая к неотложным и решительным мерам; ср.: 5:29,30), так и за здоровье своих ближних, а потому лучше быстро утонуть в пучине морской, чем заслужить судьбу того, *кто соблазнит одного из малых сих*. Это последнее выражение относится в первую очередь не к детям, а к ученикам в целом, которые уподобились «малым». Рассматривать друг друга как *малых*, а потому уязвимых, означает принять на себя пастырскую ответственность за них, как объясняется в ст. 10–20.

18:10–14 Пастырская забота (ср.: Лк. 15:3–7). Притча о заблудшей овце показывает пастырскую заботу Бога: *нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих* (14). Но в ст. 10 говорится, что это пример для подражания и нам, пример того, как мы должны заботиться о друг о друге, о *малых сих*. *Презрительное отношение* к менее успешным в жизни и тем самым пренебрежение своими пастырскими обязанностями, противоречит по духу той заботе, которую проявляет о них Бог.

В притче, которую приводит Лука, овца уже «потерялась»; здесь же акцент делается не на благовестии «внешним», а на пастырской заботе о своих — учениках, которые находятся в опасности.

Примечание. 10 Представление о том, что каждый имеет *ангела-хранителя* на *небесах*, встречается только в этом месте в Библии, хотя в других местах ангелы представляют народы (Дан. 10; 12:1) и церкви (Отк. 1:20).

18:15–20 «Если же согрешит брат твой». В этих стихах объясняется, почему принцип, изложенный в ст. 10–14, должен воплощаться в жизнь. Поучения обращены к тому, кто знает о грехе ближнего и принимает на себя ответственность (как требует того сказанное в 10–14) воздействовать на него должным образом. Слова *против тебя* в ст. 15, по всей видимости, являются более поздней, довольно неудачной вставкой. Реакция на личную обиду рассматривается более подробно в ст. 21–35, где речь идет об опасности, в которой находится *брат*, а не о воздействии его греха на ближнего.

Цель состоит в том, чтобы *убедить брата оставить грех*, а не наказать его. Это предполагает как можно меньше огласки. С согрешившим братом следует побеседовать наедине или, в крайнем случае, в присутствии *еще одного или двух*. Только в случае, если это не подействует, необходимо привлекать церковь (*скажи церкви*). Предполагается, что обидчик послушается увещаний своих собратьев; если же нет, то остается один выход — отлучить его от сообщества верующих. Хотя делать это следует, вероятно, в надежде, что нарушитель задумается и придет к покаянию и восстановлению в церкви.

Община наделена правом и связана ответственностью принимать такое серьезное решение по принципу делегирования полномочий, который был применен к Петру (16:19). См. коммент. к 16:19. Представление о том, что связанное церковью *на земле* может быть *разрешено на небе*, относится к ситуации, описанной в ст. 19,20, где постоянное присутствие Иисуса среди Своего народа являет собой гарантию того, что их объединенная молитва будет действенной. В данном контексте это относится в первую очередь к «брату, который согрешил», но этот принцип может применяться и более широко. Однако это не означает автоматического исполнения любого прошения, но только того, которое исходит от собравшихся *во имя* Иисуса.

Примечания. 17 *Будет он тебе как язычник и мытарь* — эти слова кажутся

неуместными в устах Иисуса, Который был известен как друг сборщиков налогов и чье сострадание к язычникам было тоже широко известно. Скорее всего, это идиоматическое выражение, в котором используется характерное еврейское умонастроение. **20** Ср.: 28:20. Такое выражение подразумевает, что Иисус заявляет о Себе не просто как об исторической личности.

18:21–35 О прощении других (ср.: Лк. 17:4). Здесь внимание сосредоточено на том, как ученики должны реагировать на согрешения своего собрата, которые затрагивают их лично. Предполагается, что ответ лежит в плоскости прощения; единственный возникающий вопрос состоит в том, сколько нужно прощать. Предположение Петра о *семикратном* прощении звучит благородно (в более поздней дискуссии раввины высказались за трехкратное прощение как вполне разумное), но Иисус отвергает все подобного рода подсчеты. Наша готовность прощать должна быть столь же безграничной, как и некогда высказанная мера мести за Ламеха (Быт. 4:24: *в семьдесят раз всемеро*, с чем и перекликается метафора Иисуса).

Это требование объясняется и стало памятным благодаря притче, которая следует далее в ст. 23,34. Мы прощаем, потому что были сами прощены Богом, и никакое согрешение против нас не может даже отдаленно сравниться с неподдающимся исчислению прощением, которое мы получаем. *Десять тысяч талантов* соединяют в себе самое большое число у греков и самую крупную денежную купюру. Даже получение одного таланта было большой удачей; десять тысяч превосходят самые смелые мечты простого человека. *Сто динариев*— весьма крупная сумма (стод невных заработков), примерно одна стошестьдесяттысячная часть первой суммы! Таким образом, в свете безмерной милости Бога к нам, просто смешно и нелепо с нашей стороны отказывать в прощении другим. Угроза наказания в ст. 34 разъясняется с позиций надлежащего воздаяния Божьего: Бог не игнорирует дух непрощения. Такова была весть в б:14,15, а притча напоминает нам о грехах, которые в Господней молитве описываются как «долги».

Примечание. 22 *До семижды семидесяти раз.* Это выражение ближе к греческому, чем «семь раз по семьдесят» (490), и отчетливо перекликается с Быт. 4:24.

19:1 — 25:46 Служение в Иудее

19:1 — 20:34 На пути в Иерусалим

Здесь начинается рассказ о роковом, приведшем к смерти пребывании Иисуса в Иерусалиме. До Своего воскресения Он уже не вернется в Галилею (28:16). Тень грядущего креста все сгущается над Ним по мере того, как группа учеников продвигается на юг, а Иисус продолжает наставлять их, подготавливая к тому, что должно произойти вскоре.

19:1—12 Учение о браке и разводе (см.: Мк. 10:1 — 12; ср.: 16:18). По еврейским законам мужчина имел право *развестись со своей женой* (но не жена со своим мужем), просто объявив о своем намерении; не требовалось ни суда, ни апелляции. С первого взгляда кажется, что это повторение установлений, изложенных во Втор. 24:1—4 (см. соответствующий коммент. к 5:31,32), однако в данном фрагменте присутствует нечто, дающее основание оспаривать определенные моменты, связанные с разводом. Некоторые учителя ограничивают право на развод случаями прелюбодеяния или другими серьезными сексуальными грехами, но на практике, которую поддерживает ряд раввинов, развод отдается на откуп мужчине, подчас *его капризу, необоснованному решению*.

Не вступая в спор, Иисус снова (как и в 5:32) заявляет, что развод, по какой бы причине он ни состоялся, несовместим с замыслом Божиим о святости брака. Тем самым, Он обращается к исходному намерению Творца, которое мы находим в Быт. 1:27 и которое выше установлений, записанных во Втор. 24 и данных *по жестокосердию* людей. Эти правила возникли вследствие необходимости регулировать брачные отношения после

грехопадения, и они не являются отражением исходного замысла Божьего. Развод может быть необходимым решением, но никогда не может быть благом. Установление Бога — *и будут два одной плотью* — относится только к брачному союзу.

Эта бескомпромиссная позиция, однако, претерпела некоторые изменения у Матфея, посредством введения фразы *за прелюбодеяние*, а также в 5:32 — «помимо вины прелюбодеяния». У Марка и Луки такого рода спорное предложение отсутствует, и некоторые исследователи высказывают мнение, что Матфей стремится смягчить запрет на развод, который вскоре окажется недействительным в реальной жизни. Однако более вероятно, что Матфей просто произносит то, что каждый еврейский читатель должен воспринимать как само собой разумеющееся, то есть что *прелюбодеяние* (которое включает не только нарушение супружеской верности, но и вступление в сексуальную связь до брака) автоматически упраздняет брак созданием другого союза по формуле: «двое — одна плоть». В Ветхом Завете наказанием за прелюбодеяние служила смерть, но в новозаветную эпоху приемлемым решением считалось формальное аннулирование брака (ср. проблему, с которой столкнулся Иосиф; 1:18,19). Это не было ослушанием, но необходимым признанием того факта, что брак фактически перестал существовать.

Требование Иисусом беспрекословного соблюдения супружеской верности повергло учеников в уныние. Они сомневаются, может ли кто-то соблюсти это. «Лучше не жениться» вообще, приходят они к выводу. Иисус согласен, что *не все* принимают то, что Он сказал. Некоторые не имеют «дара», то есть неспособны к супружеской жизни и призваны к безбрачию либо от чрева матери (либо как евнухи, которых сделали такими люди), либо сами отреклись от супружеской жизни ради *Царства Небесного*. Безбрачие в еврейском обществе было весьма необычным явлением, поэтому подтверждение решения о безбрачии было весьма важным. Но брак со всеми его требованиями остается Божественным предназначением для всех остальных, *кому он дарован*.

Примечания. 11 Слово *сие* относится здесь к заявлениям Иисуса в ст. 6 и 8, а не к неловким комментариям учеников в ст. 10. **12** Слово *скопцы* в NIV передается как «сделавшие себя евнухами»; здесь правильно подчеркивается, что Иисус не имел в виду буквального смысла.

19:13–15 Малые дети (см.: Мк. 10:13–16; Лк. 18:15–17). Ученики воспротивились, возможно, просто из равнодушия или из желания оградить Иисуса от излишнего внимания. В любом случае, они не восприняли Его совершенно необычную шкалу ценностей, по которой дети ценились выше всего. Фраза *ибо таковых есть Царство Небесное* не означает объявление автоматического спасения детей, но скорее (как в 18:1–5) указывает на смирение и умаление как образец для подражания.

19:16–26 Богатый молодой человек (см.: Мк. 10:17–27; Лк. 18:18–27). Еще один шок для учеников с их привычной шкалой ценности. Человек богатый и благочестивый, искренне стремящийся обрести *жизнь вечную*, был идеальным кандидатом на ученичество. Ученики Иисуса *весьма удивились*, когда Он отослал его. У них возник естественный вопрос: *Так кто же может спастись?* (25).

Вопрос молодого человека предполагал, что *вечную жизнь* можно заслужить *добрыми делами* (актом благотворительности?). Подчеркивая благость Божью (17), Иисус задавал людям вопрос, что, по их представлению, есть благость; она не достигается собственными добрыми делами. Соблюдать заповеди Божьи означает отражать Его благость, а этот молодой человек хотел заработать все своими делами. Но сам он осознавал, что чего-то ему не хватает при этом, и искал недостающего. Ответ Иисуса в ст. 21 открыл ему, что надлежит сделать, но для него это было слишком радикальным решением — отдать все в распоряжение Богу! Это подрывало все его сложившиеся представления о жизни.

Вместе с тем, Иисус не требовал от Своих сподвижников жить в лишениях и нищете. Каждый раз решение зависело от ситуации. Но мы должны опасаться использовать эту истину в качестве удобного предлога для оправдания своих решений. «Тот факт, что Иисус не повелел всем Своим последователям распродать все их имущество, утешает только тех людей,

кому Он мог бы дать такое повеление» (R. H. Gundry).

Дело обстоит еще хуже, когда мы читаем ст. 23–26. Нелепая картина, изображающая *верблюда*, который пытается пройти *сквозь игольное ушко*, означает, как правильно поняли ученики, что богатому не просто *трудно*, но *невозможно* спастись. Но ответ лежит в другой плоскости: то, что *невозможно* для человека, *возможно* для Бога. Спасение не зарабатывается ни делами, ни богатством, ни бедностью; *Царство Божие* зиждется на других ценностях и возможностях.

Примечания. 16,17 У Марка один человек называет Иисуса «благим», а Иисус спрашивает его, почему он так назвал Его. Опустив эту часть диалога, Матфей предостерегает от ложного вывода, что Иисус не благ и что Он не Бог. **24** Соблазнительное предположение, что *игольное ушко* было названием узких ворот при входе в город, не имеет под собой исторических оснований. Это намеренная гипербола.

19:27—30 Надлежащее вознаграждение ученикам (см.: Мк. 10:28–31; Лк. 18:28–30; ср.: 22:28—30). Эти стихи посвящены рассуждению о «сокровище на небе», которое Иисус обещал (21) тем, кто не побоится понести материальные потери для получения его. Они разделят с Ним Его царственную славу и власть, когда исполнится видение Даниила (Дан. 7:13,14) **28** Они также получают *во сто крат* и в этой жизни (приобщаясь к материальным ресурсам земного братства), и в *жизни вечной* (29). И даже при этом они должны осознавать, что не их личная «жертва» обеспечила им особо почетное место (30). В Небесном Царстве нас поджидает много неожиданностей, как показывает следующая далее притча.

Примечание. 28 *В накибытии* — то есть в новой, грядущей жизни, что предполагает «новое небо и новую землю» мессианского века. *Судить*, вероятно, следует понимать как «править» в свете Ветхого Завета. Это изображение Церкви как истинного Израиля мессианского века (ср.: 16:18).

20:1—16 Притча о работниках виноградника и оплате их труда. В этой притче говорится о ценностях *Царства Небесного*. Иносказание о вознаграждении труда виноградарей находится между двумя одинаковыми заявлениями: *и последние будут первыми* (19:30; 20:16). В обществе, где не было системы социального обеспечения или профсоюзов, где безработные умирали от голода, *найм* хозяином виноградника дополнительных работников, в которых он не особо нуждался, можно рассматривать как благородный жест. Но еще более необычным в этой притче является оплата их труда. С точки зрения выгоды она противоречила здравому смыслу, а также вызвала естественное недовольство со стороны тех, кто усмотрел в этом несправедливость по отношению к себе. Конечно, в этом не было *несправедливости*. Все получили плату. Вопрос в том, что некоторые — слишком высокую. Именно такова ситуация в Царстве Небесном. Божественная благодать не подчиняется нашим представлениям о справедливости; дары Божьи неизмеримо больше того, что мы заслуживаем. Но, как и в случае со старшим братом из притчи о блудном сыне, нам трудно оставить свою человеческую шкалу ценностей (особенно, когда мы сравниваем себя с другими!) и принять щедрую благодать Бога по отношению к тем, кого мы считаем недостойными ее. Таким образом, ученики поднялись еще на одну ступень познания, усвоив Божественный принцип, что первые будут последними, а последние первыми.

20:17—19 Третье предсказание смерти Иисуса (см.: Мк. 10:32–34; Лк. 18:31–34). Повторное упоминание *Иерусалима* заостряет наше внимание на предстоящих событиях, и на этот раз Иисус дает более подробное предсказание, в том числе об официальном смертном приговоре (*осудят Его на смерть; предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие*). Здесь впервые распятие упоминается напрямую (хотя в 16:24 оно подразумевается). Картина унижений и страданий не оставляет места мечтам о земной славе для *Сына Человеческого*.

20:20—28 Главенство в служении (см.: Мк. 10:35–45; ср.: Лк. 22:24–27). В свете сказанного выше, просьба *матери сыновей Зеведеевых* (Иакова и Иоанна) кажется совершенно бездумной. Она по-прежнему думала о земном царстве и о будущей славе, предсказанных в 19:28, и закрывала глаза на то, что должно предшествовать этой славе. Иисус

вновь повторяет, что вначале предстоит пройти через страдания (22,23).

Смысл просьбы заключался в том, чтобы получить право старшинства среди Двенадцати (и особенно потеснить Петра, еще одного члена группы, присутствовавшего при преображении Иисуса). Это то, что заставило других учеников *вознегодовать* и позволило Иисусу дать им еще один урок о главенстве в служении, о чем они судили по мирским меркам. *Но между вами да не будет так* — это резюме всего этого фрагмента Евангелия; Царство Небесное создает совершенно другое общество, которое зиждется на совсем иных принципах и ценностях.

Иисус являет Собой высший пример служения. Его статус *Сына Человеческого* дал Ему право на то, чтобы *Ему служили* (ср.: Дан. 7:14), но Он пришел, *чтобы послужить*. В Своем смирении Он являет нам пример для подражания, даже при том, что Его уникальное служение никогда не может быть повторено, потому что Он пришел *отдать душу Свою для искупления многих*. В этих словах, которые прямо перекликаются с Ис. 53:10—12, выражена одна из центральных мыслей Нового Завета — мысль об искупительной смерти Иисуса.

Примечание. 22 *Пить чашу* — это метафора, обозначающая страдания. Ср.: 26:39,42; см. также: Ис. 51:17; Иез. 23:31 и дал.

20:29–34 Двое слепых (см.: Мк. 10:46–52; Лк. 18:35–43). *Иерихон* был последним городом перед Иерусалимом по пути из Галилеи. По дороге к пункту назначения в сопровождении толпы народа Иисусу представилась возможность остановиться и «послужить» (28) двум слепым, которые, по мнению окружавшего Его народа, были недостойны Его внимания. Здесь Он снова продемонстрировал непонятные для мирского восприятия ценности Царства Небесного. У Мк. и Лк. рассказывается история об одном слепом, по имени Вартимей. По всей видимости, как и в 8:28, Матфей упоминает двух человек, чтобы придать весомость свидетельству о том, что Иисус действительно *Сын Давидов*. (Ср.: 9:27–31, где приводится другая история исцеления двух слепых.) Использованное в оригинале поэтическое слово для «глаза» (ἄμμα — «взор», «зрелище») подчеркивает исцеление духовной слепоты, что ведет к ученичеству.

21:1—22 Вход в Иерусалим

Это первое и последнее посещение Иисусом Иерусалима, описанное в Евангелии от Матфея. О его цели говорилось еще в 16:21, и вот теперь, по мере того как галилейский пророк приближается к столице Израиля, храм которой был центральным местом земного служения истинного Бога, история близится к своему кульминационному завершению. Прибытие Иисуса ознаменовалось тремя символическими действиями, описанными в ст. 1—22, которые подготавливают почву для последующих конфликтов.

21:1—11 Торжественный вход в Иерусалим (см.: Мк. 11:1–11; Лк. 19:28–38). Иисус выбрал необычный способ передвижения, выделявший Его среди толпы галилейских паломников, которые пешком добирались в Иерусалим на праздник Пасхи, — Он ехал на *осле*. Поскольку нигде более не говорится, что Иисус передвигался на осле, это, возможно, был намеренный акт, призванный привлечь к Себе внимание. Повеления в ст. 1—3 показывают, что все было тщательно подготовлено. Матфей проясняет, что это было свершившимся пророчеством Захарии (Зах. 9:9,10) о грядущем мессианском Царе.

Ученики и толпы народа поняли это именно так и превратили Его приезд в триумфальную процессию. Их восклицания (9) не оставляли сомнений в их вере в то, что Иисус был долгожданным Мессией, ныне грядущим в столицу Израиля для установления Своего царства.

Среди жителей *Иерусалима*, однако, возникли волнения и сомнения по поводу Его личности, и они озабоченно вопрошали: *Кто Сей!* Для них Иисус был незнакомым соотечественником из сельской местности, из отдаленной северной провинции, немногим лучше иностранца. Но толпы народа возглашали, утверждая, что это *Иисус, Пророк из Назарета Галилейского*. Популярность Иисуса поддерживала Его в течение следующей за

этим событием недели (21:46), когда толпы потребовали Его распятия (27:20 и дал.).

Примечания. 2 Только у Матфея упоминается и о *молодом осле*, и об *ослице*. Хотя поэтический язык ст. 5 не указывает на действительное присутствие двух животных, Матфей усматривает в присутствии молодого осла возможные перепевы этого поэтического звучания. **7 Поверх их.** Не означает, естественно, что Он оседлал их, это относится к *одеждам*.

21:12–17 Сцена в храме (см.: Мк. 11:11,15–17; Лк. 19:45,46). Демонстративное прибытие Иисуса в Иерусалим подкрепляется и Его появлением на *территории храма*. Это было огромное пространство ок. 33 акров (13,5 гектаров), на котором размещался храм и служебные пристройки. Во дворе храма у портика, окружавшего эту территорию (но не в здании храма), стояли прилавки меняльщиков, которые разменивали деньги для храмовых пожертвований и продавали жертвенных животных (в том числе *голубей*). Они находились там с разрешения религиозных властей и осуществляли полезную, даже необходимую деятельность для паломников, которые приходили из отдаленных мест. Однако вся эта торговля приняла уже недопустимый характер, мешая проведению службы и *молитве*. Гневное выступление Иисуса по этому поводу (это касалось и покупателей, и продавцов) выразило Его убеждение в том, что храм перестал отвечать своему назначению дома молитвы.

Очевидцы, которые знали Писания, вероятно, сразу же вспомнили Мал. 3:1—4, а, возможно, и Зах. 14:21 (где «хананей» означает «торговец»). Мессия очистил храм, подготавливая молящихся к великому Дню Господню. Этого вкупе с исцелением *слепых и хромого* способствовало росту Его популярности среди народа, но и вызвало негодование со стороны официальных властей. Но Иисус не стал защищать Себя и еще более усугубил ситуацию тем, что принимал восклицания детей в храме, которые кричали Ему: *Осанна Сыну Давидову*, цитируя Пс. 8:3, а это равносильно хвале *Богу!*

21:18–22 Бесплодная смоковница (см.: Мк. 11:12–14,20–24). Это, на первый взгляд, бессмысленное проявление силы становится понятным из дальнейшего текста как символический акт. *Смоковница*, которая не плодоносит, хотя на ней появились *листья*, а потому должны быть и *плоды*, символизирует картину бесплодного богослужения в храме (ср.: Мих. 7:1; Иер. 8:13). *Высохшее дерево*, таким образом, указывает на судьбу храма, которую предсказывает Иисус (23:38; 24:2).

Эта действенная сила слова Иисуса произвела огромное впечатление на Его *учеников*, и Иисус использовал этот случай как наглядный урок, показывающий, на что способна *вера* (см.: 17:20).

21:23 — 23:39 Споры с иудейскими старейшинами

21:23–27 «Какой властью?» (см.: Мк. 11:27—33; Лк. 20:1–8). После таких демонстративных действий Иисуса не замедлила последовать реакция властей. Первыми откликнулись *первосвященники и старейшины народа*, ответственные за храм, которые были и членами синедриона. Иисус проявлял силу, несущую угрозу их владычеству, и должен был удостоверить ее (ср.: более раннее требование знамений). Но Он снова отказывается идти на поводу у них. Его встречный вопрос об *Иоанне Крестителе* поставил их в тупик. Но это не было некой уловкой, ибо здесь подразумевалась преемственность между миссией Иоанна и Иисуса (как уже указывалось в 11:7—19; 17:11—13). Если Иоанн был действительно посланником Божиим, чего они не осмеливались отрицать, тогда Иисус был не меньше его. Иисус продолжил (31,32), указав на то, что они не откликнулись надлежащим образом на миссию Иоанна, а тем самым и на Его собственную.

21:28 — 22:14 Три актуальные притчи. Важно рассматривать все эти три притчи вместе и читать их в контексте ответа Иисуса на враждебное отношение к Нему со стороны иудейских религиозных руководителей. В каждой притче рассказывается об одной группе людей, которые потеряли свое привилегированное положение и были заменены теми, кого они презирали. Эта тема, которая проходит красной нитью через все притчи, тем самым отвечает на вопрос, кто принадлежит к истинному народу Божьему, и все притчи показывают,

что происходят коренные перемены в жизни.

1) 21:28–32. *Два сына*. Эта простая история иллюстрирует разницу между словами и делами и показывает, что на Бога производят большее впечатление наши дела, а не наши обещания (ср.: повторяющуюся весть в 7:15–27). Иисус обращается непосредственно к первосвященникам и старейшинам (23) и противопоставляет их ответ Божьему посланнику Иоанну и отклику тех, кого они более всего презирали (*мытарей и блудниц*). Поскольку эти «не имеющие надежды» грешники поверили Иоанну, они должны *вперед* них войти в *Царство Божие*. Пойдут ли вслед за ними неверующие лидеры, здесь не говорится, но в следующей притче картина становится яснее.

2) 21:33–46 *Притча о злых виноградарях* (см.: Мк. 12:1–12; Лк. 20:9–19). Здесь тема замещения получает свое более глубокое освещение. Это история об отсутствующем хозяине виноградника и злых виноградарях, которые должны платить ему из урожая положенную ренту. Их нежелание делать это уже само по себе может служить причиной для их смещения; убийство же сына хозяина серьезно усугубляет дело.

Эта история была понятна для *первосвященников и фарисеев* (45), а также и для всех тех, кто был знаком с книгой Исаяи, где памятная притча о винограднике (Ис. 5:1–7) символизировала неуютную в глазах Бога жизнь Израиля. Но здесь внимание сосредоточено не на Израиле как таковом, а на его вождях, чье стремление убить *Сына* Божьего было равносильно неоднократному отвержению Его пророков в прошлом. Их ожидает надлежащее *возмездие*, и другие займут их место.

В ст. 42–44 раскрывается смысл притчи. Ст. 42 (в котором цитируется Пс. 117:22) показывает картину Божественной перестановки, которая вскоре произойдет, когда некто, отвергнутый израильскими вождями, будет посажен на самое почетное место. В ст. 44 использована та же метафора с аллюзией на камень преткновения в Ис. 8:14,15 и Дан.2:34,35,44,45. В ст. 43 говорится открытым текстом: Царство, которое символизирует виноградник, принадлежит Богу, а не им, и Он доверит его более ответственным людям. *Народу*: речь идет не о смене власти, а об обновленном составе народа Божьего (согласно критериям, представленным в 8:11,12). Речь, однако, идет не о простой замене иудеев на язычников (тогда использовалось бы другое слово в греч.), а о новом сообществе народа Божьего, которое будет создано (ср.: коммент. к 16:18) и в котором найдут свое место и иудеи, и язычники. Главное в этом народе не национальная принадлежность, а способность *принести плод* (ср.: 3:8,10; 7:15–20; 12:33–37; 13:8,26 и особенно 21:18–20).

3) 22:1 — 14 *Бранный пир* (ср.: Лк. 14:16–24). Тема замещения здесь рассматривается еще глубже. *Званые*, которые несколько раз отклонили приглашение и даже убили вестников, соответствуют первым злым виноградарям из предыдущей притчи, а заменившие их гости — «народу» из 21:43. Как и в 21:31, вновь пришедшие представляют категорию людей *на распутьи*, и *злых и добрых*. Это еще одна притча о месте на пиру и о том, как первые становятся последними, а последние первыми.

Эта история становится совершенно непонятной, когда после убийства вестников начинается военная кампания против их убийц, между тем как яства на столах остывают! *Сжег город их*: весьма жестокая реакция на отказ прийти на пир. Однако нельзя забывать, что это вымышленная история, притча, которая отражает жизнь не как в зеркале, а символически. Отказ Израиля (в лице его вождей) откликнуться на призыв Бога через Иисуса мог привести к разрушению *их города*, Иерусалима, в который Иисус пришел, чтобы быть отвергнутым и убитым (16:21). Об этом и говорится в 23:38; 42:2.

Ст. 11–14 вносят в повествование новую ноту: даже для «нового народа» гарантия на спасение не действует автоматически; среди них *и злые, и добрые* (ср.: 7:15:27). Даже пришедший с улицы должен облачиться в белые одежды, приличествующие такому пиру; отсутствие их оскорбляет хозяина. Итак, хотя небесное царство открыто для всех, доступ в него требует исполнения определенных требований (ср.: «приносить плоды», 21:43). Тому, кто несерьезно относится к своим привилегиям, там нет места. В ст. 14 подводится итог, который касается не только первоначально приглашенных гостей, но и новичков.

Примечания. 3,4 Как и обычно, приглашение было послано заранее (и они приняли его), а слуга был послан, чтобы сообщить, что трапеза готова. **11** По предположению Августина, *одеждой на пиру* гостей обеспечивал хозяин, но исторических свидетельств тому не найдено.

22:15–22 Римская система налогообложения (см.: Мк. 12:13–17; Лк. 20:20–26). Три вопроса оппонентов Иисуса были направлены на то, чтобы устроить Ему *ловушку* и использовать Его слова против Него самого. Первый касается римской подати, которая яростно отвергалась иудеями как знак политического давления со стороны властей. Около четверти века до этого, было поднято восстание против этих поборов; его возглавил галилейский вожь Иуда (Деян. 5:37), который вдохновил своим патриотизмом партию зилотов. Это был коварный вопрос: поддерживать уплату римских налогов было проявлением отсутствия патриотизма, а выступать против этого было опасно с политической точки зрения (особенно для популярного вождя из Галилеи).

Заставив показать монету (*динарий*), Иисус разоблачил их как *лицемеров*, поскольку иудеи–патриоты не должны были носить с собой такие монеты с изображением «языческого» императора и *надписью* на ней с титулом «Сын Божий». Если они пользовались монетой *кесаря*, до должны были и платить ему подать! Таким образом, Иисус решительно отстранился от позиции зилотов и показал, что лояльность по отношению к языческой власти не является несовместимой с верностью Богу. Он не сказал, как должно поступать, когда сталкиваются два эти долга.

22:23–33 Воскресение (см.: Мк. 12:18; 18–27; Лк. 20:27–40). В отличие от фарисеев, которые инициировали этот последний тест, *саддукеи* не верили в жизнь после смерти, поскольку об этом не было написано в Пятикнижии Моисея, единственные Писания, которые они признавали. Они представляли себе, что в этой сфере учение Иисуса будет выглядеть в смешном свете. Их «вопрос» основывался на законе левирата из Втор. 25:5,6, но не выглядел серьезным; это была просто попытка выставить на посмешище эту новоиспеченную богословскую идею о *воскресении из мертвых*. Вместе с тем это был и сугубо практический вопрос о пастырской опеке для тех, кто вступал в брак более одного раза.

Ответ Иисуса был двояким. На конкретный вопрос он отвечал (30), что жизнь по воскресении из мертвых не просто продолжение земной жизни. Его слова иногда истолковывают так, как будто жизнь на Небе менее счастливая, чем жизнь в браке на Земле. Но, напротив, это более богатая во всех отношениях жизнь. Брак принадлежит исключительно земной жизни, когда есть необходимость продолжать свой род. Но воскресшие к вечной жизни, *подобно ангелам*, могут продолжать радоваться отношениям любви беспредельно и без ревности, которая свойственна брачным узам.

Отвечая на более фундаментальный вопрос о воскресении мертвых, Иисус опирается на веру саддукеев в Писания, на книги Моисея (31,32). Ибо Бог, называя Себя Богом патриархов, которые давно умерли (Исх. 3:6), подразумевает существование непрерывных взаимоотношений; завет–договор Бога со Своим народом не расторгается смертью.

22:34–40 Наибольшая из заповедей (см.: Мк. 12:28–31; ср.: Лк. 10:25–27). На второй важный вопрос *фарисеев* Иисус дает важный ответ. Но это все еще было продолжением испытания, поскольку менее осторожный ответ позволил бы обвинить Иисуса в попытке «нарушить закон или пророков» (5:17). В раввинистических спорах на этические темы фигурировали как текст из Втор. 6:5, так из Лев. 19:18, но объединить их в качестве основания, на котором *утверждается весь закон и пророки* (ср.: 7:12 с другим выводом), было блестящей идеей. Сосредоточение внимания на этих двух из Десяти заповедей (обязанность перед Богом и обязанность перед своим ближним) служит нравственным ориентиром для всей нашей жизни; вывод о том, что в основе всех обязательств лежит *любовь*, придает особое звучание требованию исполнять закон Божий.

22:41–46 «Сын Давидов?» (см.: Мк. 12:35–37; Лк. 20:41–44). Здесь Иисус снова берет инициативу на Себя, выступая против фарисеев. Его вопрос звучит наподобие классического богословского вопроса: является ли *Сын Давидов* законным титулом для

Мессии? Но Он Сам неоднократно возвышал Себя через этот титул (наиболее открыто и демонстративно это видно из 21:9,15,16, где Он отчетливо отвечает на этот, хотя и провокационный, вопрос).

Сын Давидов — распространенный мессианский титул, который не только нередко встречается в Мф., но и лежит в основе представления Иисуса как Мессии в гл. 1. Вряд ли можно представить себе, что эти стихи должны опровергнуть все сказанное ранее в этом плане. Скорее речь идет о том, что Мессия больше, чем просто сын Давида, о чем говорится в Пс. 109:1. Этот же текст снова используется в 26:64 для подтверждения сверхчеловеческой власти Иисуса.

Здесь снова Иисус предостерегает народ против традиционного понимания Его служения. Вместо того чтобы воцариться в Иерусалиме, подобно Давиду, Он должен был быть вскоре отвергнут Своим народом. Но даже потом, на кресте, Его в конце концов признают не как сына Давидова (этот титул не появляется снова), а как «Сына Божия» (27:54).

Примечание. 43 В основе этого аргумента — вера в то, что Давид был автором Пс. 109 и что он говорил о грядущем Мессии. В настоящее время обе эти посылки оспариваются большинством исследователей Ветхого Завета, но во времена Иисуса принимались как само собой разумеющееся.

23:1–12 Предостережение против книжников и фарисеев (ср.: Мк. 12:38,39; Лк. 20:45,46). Иисус продолжает сурово обличать книжников и фарисеев, при этом слово «сурово» не передает всю силу эмоций, присутствующих в Его речи, записанной здесь, в гл. 23. Только у Матфея рассказывается о такой целенаправленной атаке на иудейские религиозные авторитеты. Иисус показан как сильный полемист, готовый даже приобрести Себе врагов, если того требует дело. Это как раз был тот случай, когда речь шла о сопоставлении ценностей Царства Небесного и поверхностного подхода к религии, который уже был развенчан ранее (см.: 5:17–48 и 15:1–20).

Иисус разоблачает книжников (*учителей закона*, профессиональных толкователей Писаний и раввинистических преданий) и *фарисеев*, религиозную «партию», к которой принадлежали в своем большинстве книжники и которая ставила перед собой задачу скрупулезного соблюдения всех многочисленных предписаний церемониального закона, установленного раввинами. Вообще говоря, это были серьезные, благочестивые люди, а потому резкое выступление Иисуса против них многим казалось слишком суровым и несправедливым. Но речь шла не об их индивидуальном благочестии, а о системе религиозных установлений, которой они придерживались. Настаивая на педантичном исполнении неисчислимых и все возрастающих правил и предписаний, они подвергались опасности потерять свои внутренние побуждения и мотивы и предпочесть систему, а не волю Божию. Именно это, а не преднамеренный обман (хотя в ст. 3 они обвиняются и в этом тоже), побудило Матфея назвать их одним из своих любимых словечек — *лицемерами*.

В ст. 2–7, однако, внимание сосредоточено на их стремлении произвести хорошее впечатление (ср.: 6:1–6,16–18), выставляя напоказ свое положение и авторитет. Их не заботило то, какие проблемы создавало их учение простым людям, которые пытались следовать ему (*бремена тяжелые* в ст. 4 относятся к требованиям, которые должны были исполняться по предписанию книжников в повседневной жизни; ср.: 11:28–30). В отличие от этого (8–12), учеников не должно было заботить свое положение в обществе, они должны были радоваться самому низкому статусу и возможности служить другим. В этом последнем разделе вновь поднимается тема, затронутая в 20:25–28, но если там речь шла о мирских правителях, то здесь о тех, кто претендовал на роль руководителей народа Божьего. Стремление к высоким титулам и высокому положению еще и сегодня служит сигналом, который показывает, что ученики отступают от ценностей Царства Небесного.

Примечания. 2 *На Моисеевом седалище.* Это указание на авторитетность тех, кто был ответствен за толкование законов Моисея. 3 После сказанного (15:1–20) было бы удивительно, если бы Иисус действительно имел в виду необходимость следовать *всему*, что предписывалось учением книжников. Баланс в предложении скорее определяется его второй

частью — «делай, если хочешь, что они говорят, а не то, что они делают». **5 Хранилища** (филактерии, краткие выдержки из закона Моисея, которые [и на полосках пергамента] прикреплялись ко лбу или левой руке) и *воскрилия* как таковые не запрещались (Иисус тоже носил воскрилия, см.: 9:20, где в оригинале использовано то же греч. слово); но они часто носились напоказ, чтобы продемонстрировать и заслужить репутацию благочестивого человека.

21:13—36 Семикратное обвинение книжников и фарисеев (ср.: Лк. 11:39—52). В предыдущих текстах записано обращение Иисуса к народу и ученикам. Здесь Он обращается непосредственно к книжниками и фарисеям с семикратным обвинением (семь раз использовано слово «горе»), которое являет собой кульминацию отвержения их как религиозных лидеров. Эта сцена предвосхищает предсказание судьбы Иерусалима в конце главы.

Первое горе (13) описывает их подход к религии как запрет тем, кто, действительно, хочет угодить Богу. Вместе с тем, второе обвинение (15) состоит в том, что они ревностно стремились *обратить* (в иудаизм) людей. Проблема в том, что их религиозная система делала людей хуже, а не лучше (*сыны геенны*; ср.: «сыны царства», 8:12). Остальные пять обвинений демонстрируют, насколько извращены были их религиозные ценности.

Клятвы (16—22) были самыми разнообразными и представляли предмет спора среди раввинов из-за различий в многочисленных предписаниях. Иисус уже показал, что эти требования давно пора отменить (5:33—37). Здесь же Он добавляет, что попытки определить, что более, а что менее важно в клятвах, пустые, поскольку все это в итоге возвращается к Богу, когда призывается Его имя.

Четвертое обвинение (23,24) не касается возвращения десятины как таковой, но указывает на отсутствие соразмерности и на абсурдность происходящего (*оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!*), когда они с мелочной скрупулезностью высчитывают десятину с огородных трав, но забывают про *суд, милость и веру*. Пророки тоже протестовали против религии, которая сосредоточена на ритуальном законе и забывает вещи, которые, действительно, имеют ценность (ср.: Мих. 6:6—8).

Пятое и шестое обвинение (25,26,27,28) аналогичным образом раскрывают приоритет внутренней чистоты над внешними обрядами. Этой темы Иисус уже касался (15:11,17—20) в связи с ритуальным омовением рук. В ст. 27, вероятно, речь идет об оссуариях, небольших ящиках, в которых хранились человеческие кости и которые часто белились известью *для красоты*.

Седьмое обвинение (29—31) подводит к кульминации всего раздела; здесь говорится, что мятеж Израиля против Бога достиг своего наивысшего накала *в этом поколении* (ср.: коммент. к 12:38—45), и таким образом, суд который маячил где-то вдалеке, наконец, настиг их. Довольно просто для людей, отстоящих на многие поколения от *праотцев*, отречься от их действий и строить гробницы *пророкам* и памятники *праведникам*. Но при этом в них самих не произошло никаких перемен. Они все еще дети своих отцов, как по положению в генеалогическом древе, так и по своему отношению к посланникам Божиим (34). Они пополняли *меру отцов* грехами Израиля, и вот наступил кульминационный момент, и *кровь праведников*, посланников Бога во все прошлые времена, как говорит Иисус, *да придет на вас* (ср.: 27:25 об ответственности за смерть и наказании).

Примечания. 34 Пророков, и мудрых, и книжников. Это люди говорили от имени Бога в ветхозаветные времена. Иисус рассматривает Своих учеников с этих позиций; их ожидает судьба не лучше, чем их Учителя. **35 Авель и Захария** — первый и последний мученики, которые упоминаются в Ветхом Завете (поскольку 2 Пар. — последняя книга евр. канона), и в обоих случаях звучит призыв об отмщении (Быт. 4:10; 2 Пар. 24:22). Захария во 2 Пар. 24 описывается как сын Иодая, тогда как *Варахия* был отцом другого Захарии (Зах. 1:1). В обоих случаях недостаточно информации, чтобы дать выяснить истину (такое нередко встречается и в других местах евр. Писаний).

23:37—39 Судьба Иерусалима (см.: Лк. 13:34,35). Седьмое обвинение более

обширное: от книжников и фарисеев Иисус переходит к общей вине Израиля, отвергшего посланников Божьих. Далее следует непреложный вывод. Израиль отверг призыв последнего и самого великого посланника, а потому должен подвергнуться суду. *Дом* их (храм) будет оставлен, не только *разрушен* (см.: 24:2), но оставлен Богом, как это произошло в ветхозаветные времена, когда был отвергнут призыв пророка Иеремии (ст. 38 перекликается с Иер. 12:7).

Иисус объявляет этот приговор не со злорадством победителя, а с сокрушенным сердцем и состраданием (37). Он надеялся на другую реакцию с их стороны (*Благословен Грядущий во имя Господне*, 21:9), как тогда, когда Он был введен в город своими галилейскими сподвижниками. Только если Иерусалим будет готов откликнуться на Его призыв, они смогут *увидеть Его снова*. Он не сказал, когда это произойдет, и произойдет ли вообще, как подчеркивается в оригинале греч. словом, которое переведено как «доколе».

24:1 — 25:46 Пятая беседа: суд

Это последняя большая подборка изречений Иисуса представляет собой естественное развитие темы предыдущей главы, кульминационным моментом которой было предсказание о приближении суда над Иерусалимом. С этого и начинается тема данного раздела, причем в ст. 2 подчеркивается предсказание о полном разрушении храма. Речь Иисуса представляет собой ответ на вопрос учеников: *скажи нам, когда это будет!* В этом ответе у Мф. (но не у Мк. или Лк.) обозначена связь разрушения храма (которое имело место в 70 г., когда римляне подавили восстание евреев) со вторым событием: пришествием (греч. *parousia*) Христа и *кончиной века*.

Главная трудность в истолковании гл. 24 состоит в том, что необходимо понять, какое из двух указанных событий имелось в виду в каждом конкретном случае (в гл. 25 становится ясно, что фокус постепенно смешается от разрушения храма к явлению Иисуса). Нижеследующий комментарий основывается на том, что до ст. 35 Иисус говорил (часто иносказательно, символическим языком) о разрушении храма, которое должно было произойти (что и имело место) пока еще *не преидет род сей* (34). Утверждение о неизвестном *дне же том и часе* в ст. 36 представляет собой начало Его ответа на второй вопрос о Его пришествии (явлении, *parousia* — то же слово, что и в 37, и 39). Большинство комментаторов считают, что тема *parousia* начинается раньше, включая, по меньшей мере, 29–31. К сожалению, ограниченные рамки настоящего комментария не позволяют рассмотреть этот аргумент всесторонне (более подробное обсуждение соответствующих доводов см.: R. T. France, Matthew, TNTC, IVP, 1985).

24:1,2 Храм должен быть разрушен (см.: Мк. 13:1,2; Лк. 21:5,6). Когда Матфей пишет, что Иисус оставил храм (*вышел Иисус шел от храма*), а затем пришел на гору Елеонскую (3), он, возможно, имеет в виду не только изгнание Иисуса из иудейского общества, но и видение Иезекииля о славе Божьей, которая покинула обреченный на разрушение храм и остановилась на Елеонской горе (Иез. 10:18,19; 11:22,23).

Здание храма, перестроенное заново Иродом, было архитектурным чудом древнего мира. Но предсказание Иисуса: *не останется здесь камня на камне* — должно было исполниться буквально; все, что осталось после разрушения римлянами, это часть площадки, на которой и было заложено новое здание (включая и «Стену плача»).

23:3–14 Предостережение против поспешных выводов (ср.: Мк. 13:3–13; Лк. 21:7–19). Многие читатели стремятся найти в данной главе «знамения конца», о чем много и говорится здесь. Но опасно делать слишком поспешные выводы и прийти к заключению, что «конец» (в любом смысле) совсем близок.

До 70 г. многие борцы за национальную независимость претендовали на роль вождей народа Божьего (4,5), тем самым узурпируя власть Иисуса как Мессии (*во имя Мое*). В этот период происходили войны и стихийные бедствия (6–8), как и во все исторические эпохи. Но *все это начало болезней* (букв. «родовые схватки»), и не следует эти признаки считать

знаменем близкого конца.

В этот промежуток времени ученики уже готовились к испытаниям, ожидая преследований, как и предсказывал Иисус (10:17—23); но если в гл. 10 внимание было сосредоточено на иудеях, то здесь речь идет о более широком, глобальном преследовании: *будете ненавидимы всеми народами*. В ст. 10—14 нарисована мрачная картина раскола в среде народа Божьего и состояния внешнего мира. Все это призывает не к вычислению даты конца, а к верности. Истинно верующий не позволит внешним обстоятельствам поколебать свою *любовь* (12), вытерпит все до конца (13) и будет неуклонно проповедовать *Евангелие Царствия* всему миру (14).

В ст. 14 не дается разъяснения, на какой из двух моментов, содержащихся в вопросе учеников о «кончине века», дается ответ. В период, предшествующий 70 г., Евангелие уже было практически проповедовано в большей части средиземноморской области (которую в то время большинство греко-говорящих народов рассматривали как «весь мир»). (Ср.: Рим. 15:19, которое было написано в середине 50-х годов, после чего служение апостола Павла продолжало распространяться все более широко.) До разрушения храма христианская церковь уже обрела статус всемирной. Естественно, что Евангелие завоевывало все более обширные территории по мере распространения его в новые, до того неизвестные районы, однако, насколько был охвачен евангелизацией тогдашний, равно как и современный, мир остается неясным.

Примечание. 3 *Parousia* (явление, пришествие). Это слово используется главным образом для описания официального визита высокопоставленного лица. В Новом Завете оно обычно (но не всегда) относится к предсказанию «второго пришествия». О «кончине века» ср.: 13:39,40,49.

24:15—28 **Грядущий кризис в Иудее** (см.: Мк. 13:14—23; ср.: 17:23,24,37; 21:20—24). Ст. 4—14 предостерегают против слишком легкого отождествления разных признаков со «знамениями конца»; теперь Иисус начинает отвечать непосредственно на вопрос, заданный в ст. 3. В ст. 15—22 говорится о приближающейся осаде Иерусалима, которая будет предшествовать разрушению храма; хотя ст. 23—28 снова предостерегают против поспешных выводов о том, что этот, столь страшный период должен стать временем явления Христа и конца истории Земли.

Мерзость запустения — выражение, взятое из Дан. 11:31; 12:11 (ср.: 9:27), относится к языческой статуе, которую поставил Антиох Епифан в Иерусалимском храме, желая таким образом осквернить его, что произошло в 167 г. до н. э. (см.: Новый библейский комментарий, ч.1// Книга Пророка Даниила). Иисус предсказал, что аналогичный акт осквернения святыни будет предшествовать разрушению храма и что это знак, который подает Бог: покинуть город пока не поздно. Как это должно произойти, не сообщается (*читающий да понимает*). Высказывались предположения об осквернении храма зилотами зимой 67—68 гг., о чем пишет Иосиф Флавий, или о внесенных в храм (языческих) римских флагов в 70 г. В Лк. 21:20 говорится вместо этого об Иерусалиме, окруженном войсками. Осада города римлянами знаменует собой начало осквернения святыни.

В свете той мрачной картины, которую рисует Иосиф Флавий, описывая все ужасы осады в 66—70 гг., слова, сказанные в ст. 21 (которые перекликаются с Дан. 12:1), не являются сильным преувеличением. Но Бог не оставил Свой народ на произвол судьбы: *и ради избранных сократятся те дни*: т. е. Его народ выживет.

В это смутное время возникнет новая возможность появления разного рода лжепророков, о чем уже говорилось в ст. 5. Тот факт, что они могут совершать *великие знамения и чудеса*, предостерегает от слишком поспешных выводов, когда мы видим всякие знамения и чудеса сегодня (ср.: 7:22,23).

Последователи Иисуса должны также с осторожностью относиться к заявлениям о том., что Он *в пустыне* или *в потаенных комнатах*. Его пришествие не будет тайным, Он предстанет взору каждого, подобно тому, как молния озаряет все небо. Таким образом, вполне очевидно, что в этой части Своей речи Иисус не говорил о *parousia*, как то истолковывают

многие; ст. 27 ясно говорит, что этот период не относится к *parousia*. Точно так же, как появление грифов (в русской синодальной Библии — «орлы») указывает на трупы, пришествие Сына Человеческого будет явным для всех.

Примечание. 20 Зимой дороги непроходимые, а в субботу ворота закрываются, и невозможно будет обеспечить себя провизией.

24:29—35 Кульминационный момент грядущего испытания (см.: Мк. 13:24—31; Лк. 21:25—33). Часто считают, что эти стихи указывают на *parousia*, а тем самым представляют ответ и на вторую часть вопроса учеников Иисуса. Но слово *вдруг* не оставляет времени на задержку и не дает разъяснения точного временного прогноза в ст. 34. Слово *parousia* в этом разделе не встречается, но снова вводится в следующем, который начинается со ст. 36, где сокрытие времени противопоставляется ясному утверждению о том, что это произойдет на глазах живущего поколения (*не преидет род сей*). Тем самым данный раздел непосредственно продолжает предыдущий, где говорится об осаде Иерусалима. Здесь мы видим его кульминацию.

Слова в ст. 29—31 почти дословно передают ветхозаветные пророческие тексты. Ст. 29 ассоциируется с Ис.13:10 и 34:4, где язык космической катастрофы символизировал политический крах языческих народов. Выражение *Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных* заимствовано из Дан. 7:13,14, которое, как мы уже видели (см. коммент. к 10:23; 16:28; 19:28), указывает на восхождение Иисуса на престол (а не на Его пришествие). Ст. 31 основывается на отрывках, которые относятся к возвращению израильтян из вавилонского плена.

В данном контексте, таким образом, этот поэтический язык правильнее толковать с позиций изменений, которые произойдут в мире, когда Иерусалим и его храм будут разрушены. Речь идет о воцарении Сына Человеческого, о том, что Его ангелы соберут со всех концов Земли Его народ. Падение храма тем самым представлено иносказательным языком, описывающим конец старого порядка, который будет заменен новым режимом правления Иисуса, Сына Человеческого, а также становление и рост Его Церкви, нового народа Божьего.

Все это должно было произойти очень скоро, как только исполнятся знамения, указанные в 15—21, и это так же неизбежно, как наступает лето, как на смоковнице появляются листья. При жизни этого поколения («рода сего») все это должно было произойти; и это возвестило слово Иисуса!

Примечания. 30 *Знамение*: так переведено греч. слово, которое означает «знамя»; этот образ ассоциируется с трубой в ст. 31, военным образом победы Сына Человеческого. *Все племена земные* — в Палестине. Здесь явная параллель с языком Зах.12:10, где описывается Израиль, скорбящий о Том, Кого они распяли («Которого пронзили»). **31** Здесь несомненная связь с текстами Ис. 27:13; Втор. 30:4 и Зах. 2:6.

24:36—51 Неожиданное пришествие Сына Человеческого (ср.: Мк. 13:32—37; Лк. 17:26,27,34,35; 12:42—46). По мере возвращения от событий, предсказываемых для «рода сего», к *parousia*, исчезают все рассуждения о знамениях и расчетах времени пришествия. Единственное, что можно сказать определенно, это то, что оно будет неожиданным!

В ст. 36 не только допускается неведение Иисуса, но и одновременно показывается, что Он выше всех Ангелов и подчиняется только Отцу. Такой статус Сына рассматривается в данном Евангелии только в 11:27 и 28:19.

Если время пришествия неизвестно, то люди могут быть застигнуты врасплох, неподготовленными к нему, как было во дни Ноя. Будут только две группы людей: те, кто подготовился к пришествию (кто спасен), и те, кто не подготовился (кто погиб). В ст. 40,41 даны живые картинки из повседневной жизни, иллюстрирующие разделение людей, которые, казалось, ничем особым не отличаются друг от друга. Призыв к готовности не означает точного вычисления даты пришествия, поскольку это невозможно (точно так же, как вор не объявляет заранее, когда его ждать); мы должны постоянно «бодрствовать».

Однако жить в постоянном напряжении невозможно. В ст. 45—51 разъясняется, что значит «быть готовым». Когда хозяин дома оставляет раба, поручая ему следить за домом в

его отсутствие, он не думает, что раб его будет сидеть у порога и ждать его, он должен выполнять возложенные на него обязанности. Ни тот, ни другой раб из притчи не знали времени возвращения своего хозяина; разница между ними в том, как они вели себя в его отсутствие. Наша «готовность» достойно встретить пришествие Иисуса заключается не в том, что мы с возбуждением обсуждаем этот вопрос, она состоит в нашем верном служении Ему.

Примечание. 47 Тема вознаграждения и наказания постоянно встречается в Евангелии Мф. Нафада за верность подразумевает большую ответственность (ср.: 25:21, 23).

25:1—13 Притча о десяти девах. Эта притча продолжает тему готовности к пришествию Иисуса, и она завершается в ст. 13 словами, которые прямо перекликаются с 24:42. В ней проводится дальнейшее разделение между теми, кто приготовился к пришествию и кто нет.

Описывается сцена деревенской свадьбы, на которой девы (возможно, подружки невесты в современной терминологии или ее служанки) ожидают процессию с женихом, когда он должен привести домой невесту. *Светильники*, вероятно, представляли собой нечто наподобие лампад, фитиль которых пропитывался маслом и мог гореть в течение нескольких минут, после чего светильник нужно было снова заправлять маслом. Без постоянной заправки маслом он быстро гас (8).

Важный момент в этой истории — задержка жениха: Церковь должна быть подготовлена к *parousia*. Все десять дев крепко уснули (ср. с двумя рабами в 24:45—51), а посему речь здесь идет не о постоянном бодрствовании, а о том, что каждый из нас должен иметь необходимые припасы, когда Он придет. В данной притче не говорится, в чем это заключается, но из следующей можно понять, о чем идет речь.

В конце притчи ее мораль обретает свои очертания: нам угрожает опасность не быть допущенными в Царство Небесное. В ст. 12 зловеще звучит эхо 7:23.

25:14—30 Притча о талантах (ср.: Лк. 19:11—27). Как и в притче о двух рабах в 24:45—51, здесь тоже фигурирует хозяин, который, уезжая, дает своим рабам определенные задания. Снова проходит долгое время (19), и рабы должны быть готовы к возвращению своего хозяина. Эта притча, в отличие от предыдущей, разъясняет, что значит быть готовым. Это не означает пребывать в праздности, необходимо исполнять порученное дело, используя все имеющиеся возможности.

Талант — здесь просто (очень крупная) сумма денег, в современном эквиваленте равная нескольким тысячам фунтов. Именно эта притча придала метафорический смысл слову «талант», значение практического использования даров и способностей, данных нам Богом. Это, вероятно, важный практический аспект всей истории, но не следует думать, что греч. слово само по себе несет больше, чем ее номинальное значение как денежной единицы.

Каждому рабу были даны разные (но всем очень большие возможности) таланты (суммы денег), *каждому по его силе*, и ожидалось, что они сторицей вернут их. Бог признает, что все мы разные и не ожидает от нас невозможного. Показательно, что два раба получили одинаковую благодарность от своего хозяина (21, 23), хотя сам характер исходной задачи, а, следовательно, и ее выполнение были различными. Но иметь «меньший» дар не означает не предпринимать надлежащих усилий для его реализации. Ошибка третьего раба в том, что он не понял намерений своего хозяина и скрыл своей талант, вместо того чтобы использовать его. Стремясь обезопасить себя от ошибки, он кончил тем, что поступил неправильно.

Хотя третий раб характеризует своего хозяина как алчного и жесткого предпринимателя (24), это не является аллегорическим отображением Бога; Бог ожидает с нашей стороны творческих усилий и вознаграждает использование всех возможностей, которые открыты для нас в служении. Если мы неверно представляем Себе Бога как сурового и взыскательного «прораба», то нам будет трудно ответить Ему с любовью и откликнуться всем сердцем. Мы должны использовать Его дары ответственно, но при этом смело и предприимчиво. Таким путем мы подготовим себя к *parousia*.

25:31—46 Последний суд. Тема суда красной нитью проходит через весь этот раздел и завершается соответственно страшным описанием пришествия в славе Сына Человеческого,

грядущего, чтобы судить все народы. Хотя это часто воспринимается как притча, эта история носит не иллюстративный характер, а видения будущего. Единственный элемент «притчи» здесь — это сравнение, когда *пастырь отделяет овец от козлов* (32,33).

Использование таких выражений и слов, как *придет Сын Человеческий, слава, ангелы, престол, суд*, вызывает непосредственные ассоциации с Дан. 7:9—14. Это язык воцарения и обретения власти Сыном Человеческим, что предрекалось пророчеством и о чем Иисус уже говорил неоднократно (10:23; 16:28; 19:28; 24:30). *Соберутся пред Ним все народы* на суд: это реминисценции с видением Иоилия (3:2); но здесь в роли Судьи предстает Сам Бог. В этом разделе к Иисусу отнесены такие, присущие только Богу в Ветхом Завете атрибуты, как владычество над миром и царственность.

Этот отрывок часто рассматривают как учение о том, что окончательное спасение зиждется только на актах милосердия и нет никакой христианской специфики в критериях суда. Но здесь упускается из виду такой важный аспект, как то, на кого направлено это милосердие: «на одного из *братьев Моихменьших*» (40; ср.: 45). Эта фраза позволяет полагать, что речь идет не просто о «праведном», который помог другому, а другие не помогли, но именно о тех учениках, которые испытывают нужду. Слово *меньших* напоминает нам выражение *малых сих* в 10:42; 18:6, 10, 14, которое использовалось по отношению к ученикам Иисуса. Когда Иисус говорит, что, помогая им, они делают это для Него, это отождествлен не Иисуса с Его «братьями» созвучно принципу, выдвинутому в 10:40—42, где сказано, что принять учеников — значит принять Иисуса, и тот, кто подаст чашу холодной воды «во имя ученика», будет вознагражден. В данном случае критерий суда не носит филантропического характера (благоденствия в чистом виде), но отражает отклик людей на призыв небесного царства в лице «братьев» Иисуса.

Примечания. 34 *Царство, уготованное вам:* эта фраза может просто отражать доступ в царство Иисуса, но язык «наследства» позволяет полагать их приобщение к этому воцарению (как в 19:28), по аналогии с тем, как хозяин наделил своей властью выполнивших свой долг рабов в 21, 23. **41,46 Вечный.** Это слово может означать «нескончаемый», но чаще всего означает «грядущий»; речь идет о результате процесса («навсегда», «навсегда»), а не о его продолжительности. Эти стихи не обсуждаются теми, кто понимает ад как вечные мучения, и теми, кто видит в этом окончательное уничтожение.

26:1 — 28:20 Смерть и воскресение Иисуса

Повествование достигает своего кульминационного момента. Своим прибытием в Иерусалим Иисус бросил вызов, и в противостоянии, которое неизбежно последовало, Он отверг священников и старейшин Израиля и возгласил суд на «род сей». Ответ не заставил себя ждать, и события (см.: 16:21 и 20:18,19) пошли своим чередом. Центром этих событий был крест, но он не знаменовал собой конец истории. Иисус находился в чрезвычайно подавленном состоянии, но Матфей не рисует Его как беспомощную жертву обстоятельств. Он подчеркивает, что судьба Иисуса была исполнением предначертаний Божьих, о которых говорится в Писании; книга завершается драматическим — вселенским — поворотом событий: Сын Человеческий объявляет о Своем владычестве *на небе и на земле* и дает поручение Своей Церкви: проповедовать Благоую весть всем народам.

26:1—46 Подготовка к крестным мукам

26:1—5 Заговор против Иисуса (ср.: Мк. 14:1,2; Лк. 22:1,2). Праздник Пасхи посвящен воспоминанию об освобождении Богом Своего народа из египетского плена и принесению в жертву пасхального агнца, который должен был избавить их от смерти (Исх. 12:1—30). Тот факт, что Иисус должен был быть распят во время этого праздника, несомненно, символичесок, как это видно из ст. 17—29.

Присутствие Иисуса в Иерусалиме (впервые в Мф.) предоставляло возможность первосвященникам и старейшинам убить Его, как и предлагали фарисеи еще во время пребывания Его в Галилее (12:14). Но у Иисуса было много сторонников (см.: 21:9, 15, 46), и в народе могло возникнуть *возмущение*, если бы Он был публично взят под стражу. Возникла необходимость найти другое решение этой проблемы (14–16).

26:6–13 Помазание в Вифании (см.: Мк. 14:3–9). Помазание указывало на роль Иисуса как Мессии (что означает «помазанный»), но в то же время предвещало Его смерть (12). Необычный поступок женщины, таким образом, символизировал приближение мессианских страданий. Это был акт любви и посвящения, *доброе дело*, вопреки печальной вести. Но ученики увидели в этом лишь напрасную трату денег. Своим ответом Иисус не намеревался умалить заботу о нищих, и в ст. 11 говорится, что его последователи еще будут иметь постоянную возможность послужить им. Но эта забота несоизмерима по своей значимости с тем необычным и спонтанным проявлением любви в особых обстоятельствах, когда их Учитель готов был испить Свою чашу. Отдельные акты благотворительности вскоре забудутся, но память *о том, что она сделала*, останется на века и будет служить примером посвящения везде, *где ни будет проповедано Евангелие сие* (ср.: 24:14).

Примечания. 6 В Вифании жили Марфа и Мария, и в Ин. 12:13 эта женщина названа по имени: Мария. Кто такой Симон — неизвестно; возможно, Иисус исцелил его от проказы. 7 Миро — это благовоние, масло, которое вывозилось из Индии и которое иногда использовали для помазания мертвых (см.: 12), но часто и как дорогое косметическое средство.

26:14–16 Предательство Иуды (см.: Мк. 14:10,11; Лк. 22:3–6). Осведомленность Иуды о передвижении Иисуса и Его группы во время их пребывания в Иерусалиме помогла ему указать властям, когда и где можно арестовать Иисуса тайно (см.: 5). *Тридцать сребренников* составляли компенсацию хозяину за потерю раба (Исх. 21:32), и та же сумма упоминается в Зах. 11:12 как «уплата» за отвергнутого пастыря (Мессию), а также у Мф. в 27:9,10. Это была весьма крупная сумма (равная примерно четырем месячным зарплатам), однако трудно поверить, что только деньги лежали в основе предательства Иуды. Скорее всего, он уже давно замыслил покинуть Иисуса и решил воспользоваться представившейся возможностью. Он, вероятно, был единственным из двенадцати учеников Иисуса, родом не из Галилеи, а потому чувствовал себя не в своей тарелке, особенно, когда эта галилейская группа пошла на юг от Иерусалима. Возможно, он разочаровался в миссии Иисуса, особенно если, подобно Петру, лелеял мечту об исполнении своих националистических устремлений. Возможно даже, что он увидел в Иисусе лжемессию и счел своим религиозным долгом остановить Его.

26:17–30 Вечеря Господня (см.: Мк. 14:12–26; Лк. 22:7–23). Это была пасхальная трапеза со всем ее историческим и богословским символизмом. Отныне эта трапеза должна будет обрести совершенно иное звучание через смерть Иисуса и стать моделью для совершения центрального акта христианского богослужения.

Подготовка к Вечере была совершена заранее; Иисус предусмотрел, что Ему понадобятся помощники даже в Иерусалиме.

Здесь впервые из уст Иисуса звучит ужасное предсказание: *один из вас предаст Меня*. Они встревожились (фраза *весьма опечалились* не передает всей глубины их чувств), каждый из них не доверял другим. Ответ Иисуса в ст. 23 не разоблачал конкретного предателя, поскольку все они пользовались одним блюдом, а Его диалог с Иудой (25), вероятно, не был во всеуслышание. Но хотя Он и не разоблачил предателя публично, Он знал, кто это, и на прямой вопрос Иуды — *Не я ли?* — ответил достаточно ясно. Иисус мог, таким образом, открыто указать на предателя, а ученики убедить Его в том, что Иуда не пойдет на это. Однако Иисус уже принял то, что Ему было предначертано, *как написано о Нем* (24), и не препятствовал этому.

Иисус использует хлеб и вино на этой пасхальной трапезе как видимые символы, призванные разъяснить смысл Его грядущей смерти. Если преломление хлеба было символом Его тела, то реальность ожидавшей Его смерти была несомненной. Но прося их есть этот хлеб,

Он тем самым показывал, что и они некоторым образом приобщаются к Его смерти. Слова, произнесенные над чашей, далее разъясняют эту мысль, поскольку Его кровь изливалась *за многих... во оставление грехов*. Эти слова звучат как эхо высказываний Исаяи (53:10,12), и мысль о том, что смерть приносит прощение грехов, тоже берет начало в этой главе. Участвуя в этой трапезе, последователи Иисуса показывают свое приобщение к Его смерти и прощению, которое гарантирует им Его смерть. Таким образом, новый завет, который предрекал Иеремия (31:31—34; где прощение греха является важнейшей его составляющей), будет установлен через кровь Иисуса. Первая Пасха привела к заключению договора—завета, согласно которому Израиль стал избранным народом Божьим, так и теперь, по аналогии с этим, формируется новый народ Божий. В ст. 29 предсказывается то, что будет после смерти Иисуса, каковы ее последствия: мессианский пир в Царстве Отца, на котором будет присутствовать Он со Своими последователями.

Примечания. 17 В Ин. показано, что Иисус праздновал «пасху» вечером накануне официального празднования (вероятно, потому что Он знал, что к тому времени уже умрет). Это объясняет, почему в Евангелиях не упоминается пасхальный агнец, самая главная трапеза на Пасху, поскольку агнец еще не был ритуально заклан до официального начала праздника. Часто считают, что дата празднования в синоптических Евангелиях не согласуется с таковой в Ин., но это не совсем так. Поскольку у евреев день начинался с захода солнца, то вечерняя трапеза *в первый день опресночный* приходится на вечер того же дня; следующий вечер — официальная пасхальная трапеза, соответствует следующему «дню» в евр. исчислении. **24** Необходимо отметить, что сделанное в соответствии с открытой волей Божьей, вместе с тем не снимает ответственности с того, кто делает это.

26:31—35 Иисус предсказывает отречение Петра(см.:Мк. 14:27—31; ср.: Лк. 22:31—34). Слова *ибо написано* относятся не только к предсказанию судьбы Иисуса, но и Его учеников. Но в ст. 32 надежда возрождается через ясное пророчество о воскресении Иисуса и указание на то, что Он покинет обреченный на печальную судьбу Иерусалим и встретит Своих учеников *в Галилее*, где воскресший Мессия восстановит Свое верховное владычество (см.: 28:7,16—20). Но до того, как это свершится, Петр отречется от Него, вопреки своей твердой уверенности в себе. Следует отметить, однако, что, хотя падение Петра было особо предсказано и описано (69,70), он был не единственным отступником: *все ученики* разделяли уверенность Петра (35) и *все* отреклись от Него (31).

Примечание. 31 Стих из Зах. 13:7 — один из самых загадочных из тех, которые имеют отношение к отвержению и страданию Мессии; ср.: Зах. 12:10, который цитируется в Мф. 24:30, и Зах. 11:12,13 в Мф. 27:9,10 (а также Зах. 9:9 в Мф. 21:5,6).

26:36—46 Гефсимания (см.: Мк. 14:32—42; ср.: Лк. 22:39—46). Это святая земля. Здесь нам предоставляется возможность проникнуть внутренним взором во взаимоотношения, которые существовали между Иисусом и Отцом, и осознать уникальность Его миссии и непостижимую цену.

Оливковый сад, известный под названием Гефсимании, был расположен за городом и был излюбленным местом отдыха во времена праздников в Иерусалиме. (Большинство паломников останавливались здесь на ночлег, поскольку город в это время был переполнен). Если бы они выбрали другое место, то планам Иуды не суждено было бы осуществиться в ту ночь, но Иисус не стремится избежать Своей судьбы, предсказанной Им Самим. Эти тексты показывают, что Он принял свой путь не как неизбежную необходимость, а восприняв волю Отца.

Но при всем том, это не было спокойное, бесстрастное решение. Выражение *начал скорбеть и тосковать* недостаточно глубоко передает охватившее Его смятение. Перспектива предстоящих страданий (см.: коммент. к 20:22, где объясняется значение слова «чаша») угнетала Его, и Он просил Бога, если это позволяет Его замысел, пронести чашу мимо. Здесь Иисус предстает перед нами как тот, кто остро нуждается в человеческой поддержке (38), хотя и в этом Ему было отказано, потому что ученики Его уснули. В этих стихах — неопровержимое свидетельство подлинной человеческой природы Иисуса (как в

Евр. 5:7–9). Это придает всему мощную эмоциональную окраску, удостоверяя, что исполнение воли Отца для Него — неоспоримый приоритет.

Ученики не поддержали Иисуса не из-за трусости (это будет позднее), а по причине неодолимой усталости (41). Им предстояло столкнуться с более серьезным испытанием и отречься от Иисуса, о чем Он уже предупредил их, а их неспособность поддержать Иисуса в предстоящих Ему испытаниях, сделала их беспомощными, когда это испытание пришло.

Примечания. 37 *Взял... Петра и обоих сынов Зеведеевых*, которые были с Ним на горе преображения (17:1) и которые заявили о своей готовности пострадать вместе с Ним (20:22; 26:35); вместе с тем, они не выдержали и первого испытания. **46.** *Пойдем.* Этот глагол в греч. указывает не на отступление, а, наоборот, на продвижение вперед, навстречу «врагу».

26:47–27:26 Арест и суд над Иисусом

26:47–56 Арест (см.: Мк. 14:43–50; Лк. 22:47—53). *Множество народа*, которое Иуда привел в Гефсиманский сад, было «нарядом полиции», посланным синедрионом. Неподготовленные к этому ученики не сумели оказать сопротивления, исключая неловкий акт отсечения уха (51). Но в любом случае Иисус не позволил бы им такого сопротивления (52; ср.: 5:39); и снова Он предоставил событиям развиваться своим чередом. Это вовсе не означает, что Он не мог их предотвратить (53); Он избрал Свой путь, чтобы исполнилось сказанное в Писании (54, 56). Отсюда Его непротивление насилию, в отличие от вождей зилотов (55). Таким образом, фактически Иисус управлял ситуацией, воплощая первоначальный замысел Бога, хотя выглядело так, будто инициатива принадлежала Иуде и сопровождавшим его вооруженным людям.

Примечания. 52 Крылатое выражение *все взявшие меч, мечем погибнут* подчеркивает отрицание насилия в этой специфической ситуации. Сомнительно, чтобы оно само по себе было достаточным основанием для всеобщего пацифизма. **54** Легион состоял из 6000 воинов.

26:57—68 Перед синедрионом (см.: Мк. 14:53–65; ср.: Лк. 22:54,55,63–71). Смертный приговор мог вынести только римский губернатор (Ин. 18:31), а потому необходим был еще и римский суд (7:11–26). Но это слушание в синедрионе, высшем иудейском судебном органе, чрезвычайно обострило противостояние, которое описывается, начиная с гл. 21. Перед синедрионом Иисус открыто заявил о Своей Божественной власти (64), и члены синедриона с презрением вынесли Ему приговор (65–68), тем самым исполнив предсказанное Иисусом (16:21).

Лука в своем Евангелии пишет, что этот приговор был вынесен утром (ср.: 27:1,2). Вероятно, в этом кратком разделе излагаются в более простой форме те сложные разбирательства, которые имели место в течение ночи. Формальная процедура опроса очевидцев и предоставления необходимых свидетельств была соблюдена, но Матфей указывает, что процесс был далеко не беспристрастным (59).

Не уточняется, в чем лжесвидетели обвинили Иисуса, но ссылка на заявление Иисуса: *Могу разрушить храм Божий и в три дня создам его* не была лжесвидетельством, а подтвержденная двумя свидетелями служила серьезным обвинением (Втор. 17:6). Хотя у Матфея, не сказано, что Иисус грозил разрушить храм Сам, высказывания, подобные приведенным в 23:28; 24:2 (и 12:6), наряду с Его насильственным актом в 21:12,13, позволяют поверить их свидетельствам, а сказанное в Ин. 2:19 достаточно близко к процитированному заявлению. Угроза разрушить храм была угрозой всему самому драгоценному, что было в жизни Израиля.

По представлениям иудеев, Мессия должен был восстановить, даже перестроить храм, поэтому вопрос Каиафы (63) логически вытекал из обвинения (61), но был выражен в более ясной форме. Иисус, наконец, нарушил Свое молчание. Он спокойно заявил о том, Кто Он есть в действительности. Он действительно *Христос, Сын Божий*, и Он утверждает это (букв, *ты*

сказал, что по-евр. равнозначно утвердительному ответу), но корректирует конструкцию Каиафы, предпочитая выбранный Им Самим титул: Сын Человеческий в сочетании со словами из Пс. 109:2 и Дан. 7:13; Он показал истинную природу власти Сына Человеческого. Его верховное владычество не только на Земле, но и на Небе, где Он восседает по правую руку Бога. Они узрят эту истину, когда их узник, которому они собирались вынести приговор, будет оправдан Богом через воскресение и победу Его Благой вести в мире.

Примечания. 62,63 Молчание Иисуса перед неправедными судьями напоминает о текстах Ис. 53:7,8. **63** Некоторые иудеи говорили о Мессии как о Сыне Божьем (опираясь на 2 Цар. 7:14; Пс. 2:7). Вопрос был вызван очевидным намеком на заявление Иисуса в 21:37—39. **64 Отныне.** См.: выше коммент. к 10:23; 16:28; 24:30 относительно значения фразы (взятой из Дан. 7:13) «Сын Человеческий Грядущий на облаках». Это скорее заявление о Его воцарении, а не предсказание о Его пришествии на Землю. **68** Считалось, что Мессия способен узнать человека и с завязанными глазами.

26:69–75 Отречение Петра (см.: Мк. 14:66–72; Лк. 22:55–62). В ст. 31–35 Иисус предсказал его предательство, а в ст. 58 представлено начало сцены. Переплетая рассказы об Иисусе и о Петре в доме Каиафы, Матфей предлагает нам сравнить поведение этих двоих в условиях, когда на них оказывается давление. Если Иисус держался твердо и с достоинством, то Петр не выдержал испытания и быстро отрекся от Иисуса. Среди этих враждебных ему людей он отрекся от Иисуса Галилеянина (69), Иисуса из Назарета (71), даже при том, что его галилейский агент с головой выдавал его (73). В конце концов он испытывает сильнейшие угрызения совести, но это еще не привело его к возрождению. Обращает на себя внимание, что Матфей больше не называет его по имени, включая лишь в общий список «одиннадцати» в 28:16.

27:1,2 Иисус предстает перед римским правителем, прокуратором Иудей, (см.: Мк. 15:1; Лк. 23:1). Вынесенный приговор (26:65,66) был утвержден, но привести его в исполнение можно было только с разрешения римского наместника, Понтия Пилата. Он уже зарекомендовал себя как жестокосердный правитель и позднее будет снят с должности за превышение власти и незаслуженно жестокое обращение со своими подчиненными. Чтобы убедить такого человека иудейским старейшинам требовались более серьезные улики, чем богословские обвинения в «богохульстве». Несомненно, совещание, которое состоялось ранним утром, было посвящено как раз этому вопросу.

27:3–10 Смерть Иуды. Матфей предлагает нам историю другого предательства, которое, однако, в корне отличается от отречения Петра. История временного падения Петра под давлением обстоятельств закончилась слезами покаяния Петра, и его возрождение в дальнейшем не вызывает сомнений. Но, в отличие от Петра, Иуда принял осознанное решение предать Иисуса, и его раскаяние после того, как он понял, что совершил, не было искренним покаянием о содеянном, а его самоубийство было просто актом отчаяния.

Тема *цены крови* возвращает нас к ответственности за пролитие крови пророков (23:29–36) и в 27:24,25 достигает своего драматического накала. Иуда, который не смог сбросить с себя груз вины, вернув тридцать сребренников, *удавился*; но первосвященники, использовав эти деньги (*цена крови*) на покупку земли горшечника, стали соучастниками преступления. Традиционно считается, что *земля крови* (Акелдама) расположена в долине Енномовой (где добывается глина для гончарного производства). Эти и другие детали, о которых упоминает Матфей, позволяют сделать вывод, что он рассматривал всю историю в свете Иер. 19:1 — 13, где долина сыновей Енномовых связывается с захоронением «невинной крови» и с горшечником. Другие тексты в Иер. тоже вызывают аналогичные ассоциации («дом горшечника» в Иер. 18; покупка поля горшечника в Иер. 32).

Таким образом, эта история закономерно достигает своей кульминации (9,10) в формуле–цитате из Иер. об использовании этих денег («цена крови») на покупку поля горшечника. Приведенная цитата, по сути, ближе к Зах. 11:12,13, где прямо упоминаются «тридцать серебряников» (см.: коммент. к 26:15), которые были таинственным образом брошены «в дом Господень для горшечника». У Захарии эти деньги — оскорбительная цена,

которая была заплачена за Бога, Пастыря (Мессию) Его мятежной паствой (см. коммент. к 26:31 по поводу других аллюзий в этом удивительном пророчестве). Однако это не простая цитата одного отрывка, а тонкое переплетение тем из Иер. и Зах. в свете выше рассмотренных событий. «Исполнение», которое здесь прослеживает Матфей, гораздо глубже, чем простое свершение предсказанного события.

Примечание. 5 В Деян. 1:18,19 смерть Иуды описывается несколько по-другому, но снова упоминается Акелдама («земля крови»).

27:11–26 Перед римским судом (см.: Мк. 15:2–15; ср.: Лк. 23:2–5,18–25). Суд был открытый, вне резиденции правителя. Пилат мог самостоятельно решать такие вопросы, но суд показывает, что им могли манипулировать другие, и в конце концов Пилат перекладывает решение на иудейских руководителей. Именно они сыграли здесь первую роль и приняли окончательное решение.

Царь Иудейский: таков, предположительно, был титул, который якобы присвоил Себе Иисус и за который они обвинили Его. Это был более политизированный титул, чем «Мессия», а потому этот факт не мог игнорироваться властями. Именно этот титул послужил формальным поводом для обвинения Иисуса (37). Ответ Иисуса был положительный, но осторожный, как и в 26:64.

Он осознавал, что мирская власть неверно понимает значение этого титула. Больше Иисус не сказал ни слова, пока не оказался на кресте.

Попытка Пилата воспользоваться существовавшим обычаем и отпустить на свободу Иисуса, чтобы избежать осуждения невинного, была использована старейшинами в нужном им направлении. *Бараева*, по всей видимости, был не простым разбойником, а национальным лидером, за которым шло больше народа, чем за галилейским пророком. Первосвященникам и старейшинам не пришлось долго уговаривать народ сделать свой выбор. Нет оснований полагать, что это были те же самые люди, которые в качестве паломников приветствовали Иисуса в Иерусалиме (21:8,9), скорее это были городские жители (см. коммент. к 21:10,11).

Заключительная сцена в ст. 24,25 подчеркивает ответственность человека за свои поступки. Хотя Пилат не вынес формального приговора, но, умыв *руки пред народом*, он продемонстрировал, что слагает с себя ответственность за смерть Иисуса и возлагает ее на народ; в ст. 25 записаны страшные слова: *весь народ* принял на себя эту ответственность. Таким образом, Матфей подчеркивает, что, хотя инициатива в этом деле принадлежит первосвященникам и старейшинам, народ несет коллективную ответственность за смерть Иисуса. Конечно, нет оснований обвинять в этом всех евреев во все времена (в конце концов, и Матфей, написавший эти строки, был евреем, как и все основатели Церкви Иисуса). Как и предсказывал Иисус (23:37—39), именно «род сей» в Иерусалиме несет на себе эту ответственность, и в 70 г. их настигло страшное наказание, когда город и храм были разрушены.

Примечания. 16,17 В ранних рукописях здесь дается имя Иисуса Вараввы, и, вероятно, так и написал Матфей. «Иисус» было распространенным именем. Ст. 17 тем самым как бы предлагает выбор между двумя «Иисусами». **19** О жене Пилата более ничего не известно. Убежденность этой языческой женщины в невинности Иисуса противопоставляется предубеждению евр. «множеству народа». **22** Большинство евреев ненавидели казнь через распятие как варварский метод, который использовали римляне. Но распятие было неизбежно, так как, по их настоянию, Его официально осудили как мятежника. **25** Ср.: Нав. 2:19.

27:27–56 Распятие Иисуса

27:27–31 Издевательства римских воинов (см.: Мк. 15:16—20). Хотя описывается и применение грубой физической силы, основное внимание направлено на издевательства и поругания Иисуса. Они насмехались над Ним, называя иудейским «царем» и изображая

поклонение Ему, и использовали все, что попадало под руку, чтобы одеть Его как бы в царские одеяния: вложили Ему в руку палку вместо скипетра и сплели венец из терна. Так «Царь Иудейский», уже претерпевший поругание от собственного народа (26:67,68), был обещен и язычниками.

27:32–44 Распятие (см.: Мк. 15:22–32; ср.: Лк. 23:33—39). Матфей мало что говорит о физических муках при распятии; здесь снова внимание сосредоточено на поругании над Иисусом со стороны Его собственного народа. Но даже в таком необычном контексте, некоторые из величайших мессиянских титулов являют свою силу, несмотря на стремление принизить их значение. И через пелену этих насмешек к нам доходят блики духовного озарения, освещающие реальное значение смерти Иисуса. В Пс. 21 и 68 звучит эхо страданий и смерти Иисуса, напоминание о том, что предсказанное в Писаниях исполнилось (Пс. 21:19, 8, 9 перекликаются с 35, 39, 43, а в ст. 46 цитируется Пс. 21:1; Пс. 68:22 перекликается с 34, 38).

Голгофа — традиционное место, где казнили преступников, расположена на холме вне пределов города (возможно, на этом месте теперь стоит Церковь Гроба Господня). Воины играют важную роль в этой сцене распятия, поскольку именно из уст сотника и его стражи исходили слова исповедания (54). Они изображены не как садисты (уксус, смешанный с желчью, вероятно, служил наркотическим средством, облегчающим страдания), а как нейтральные наблюдатели. Официальный приговор, вынесенный Иисусу, призван был служить предупреждением другим потенциальным национальным вождям.

Издевательства, которые испытал на Себе Иисус, исходили от людей разного социального положения. *Два разбойника* (38, 44) были, вероятно, повстанцами (возможно, сподвижниками Вараввы), т. е. Иисус, по иронии судьбы, умер в компании зилотов, которых старался тщательно избегать. *Проходившие* мимо были простыми иудеями, которые знали о Его заявлении по поводу храма и Его утверждении о том, что Он *Сын Божий*. Призыв сыграть на Его притязании на статус «Сына Божьего» перекликается с искушением, описанным в 4:3, 6; но с ним Он уже столкнулся в Гефсимании, и именно потому, что Он был Сын Божий, Он не мог сойти с Креста. Наконец, *первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями* (обращает на себя внимание полный перечень членов синедриона, как в 16:21) тоже надсмехались над Ним, добавив к этому и издевательства над титулом «Царь Иудейский». Вряд ли можно найти более явное подтверждение, что Иисус был отвержен Своим народом.

Примечания. 32 Симон был случайной жертвой; но тот факт, что он упоминается по имени, позволяет полагать, что пережитый опыт помог ему присоединиться к группе учеников Иисуса. **38** Слово, переведенное как *разбойник*, используется Иосифом Флавием для описания иудейских повстанцев. Оно встречается также в 26:55, и в Ин. 18:40 по отношению к Варавве.

27:45–56 Смерть Иисуса (см.: Мк. 15:33—41; ср.: Лк. 23:44—49). Иисус до сих пор молчал, не реагируя на град направленных на Него насмешек. Теперь Матфей фокусирует внимание на Самом Иисусе, и, наблюдая, как Он умирает, мы становимся свидетелями свершения чрезвычайно важных событий вселенского масштаба.

Иисус оставался живым на кресте от 12 часов до 3 часов дня (§9788; в русской синодальной Библии — шесть часов вечера и девять часов утра, соответственно). *Тьма по всей земле* в это время (затмения солнечного не было, поскольку Пасха приходилась всегда на полнолуние) была знаменем Божественного гнева (Ам. 8:9). Возглас Иисуса, прозвучавший во мраке (см.: Пс. 21:2), показывает всю глубину страданий во имя искупления «многих» (20:28). Это единственное место, где Иисус не обращается к Богу как к «Отцу», указывая, хотя и на кратковременный, но имевший место разрыв тесных отношений между Отцом и Сыном (11:27).

Предположение, что Он призывал Илию, объясняется тем, что слова «Илия» и «Эли», «мой Бог», весьма созвучны и трудноразличимы. Уксус, о котором говорится в ст. 48, это винный уксус (дешевое вино, которое пили воины), он был знаком проявления милосердия

(см.: Пс. 68:22).

Обычно распятые люди пребывают в бессознательном состоянии долго, их агония продолжается в течение многих часов и даже дней. Иисус же умирал в полном сознании, о чем свидетельствует и весьма необычное выражение: *испустил дух*, которое предполагает волевой акт.

В ст. 51—53 (в сочетании с «тьмой» в ст. 45) показано, что это была необычная смерть. Огромная *завеса в храме*, которая отделяет святая святых, разорвалась *сверху до низу*, что свидетельствовало не только о Божественном вмешательстве, но было также и знамением открытия прямого доступа к Богу через смерть Иисуса. Землетрясение тоже символизировало собой могущественное проявление силы Божьей и Его суд (Суд. 5:4; Иоил. 3:16; Наум. 1:5,6). Происшедшее в результате воскресение мертвых, *усопших святых* (возможно, умерших в ветхозаветную эпоху) указывает на то, что воскресение последних дней (Ис. 26:19; Дан. 12:2) находит свое начало в воскресении Иисуса. Теперь наступило время, когда все надежды и упования народа Божьего должны были исполняться.

Неудивительно, что эти сверхъестественные явления привели в ужас охрану, состоящую из язычников, но титул *Сын Божий* для них звучал несколько странно; возможно, они просто запомнили его, сопоставляя со странными намеками (40, 43). В любом случае, как ни мало они поняли во всем происходящем, Матфей стремится убедить своих читателей в том, что это была адекватная реакция на случившееся. И снова язычники смогли увидеть то, что прошло мимо иудеев (ср.: 2:1–12; 8:8–12; 12:41,42; 27:19).

Примечания. 52,53 Других описаний этих удивительных событий нет, а Матфей не приводит подробных разъяснений и свою трактовку. Например, почему воскресенные появились в Иерусалиме позже, после воскресения Иисуса, и что случилось с ними потом? Здесь ясно просматривается символизм, но у нас нет данных для окончательного суждения о характере этих событий. **55,56** Одни и те же женщины засвидетельствовали о смерти Иисуса, Его погребении (61) и воскресении (28:1); нет никаких оснований сомневаться ни в реальности смерти Иисуса, ни в точном месте Его захоронения.

27:57 — 28:20 Погребение, воскресение и великое поручение Иисуса

На этих последних страницах Евангелия события, связанные с воскресением Иисуса описываются ярко и живо с использованием литературного приема «зеркального отражения» (☼ обратного параллелизма, или хиазма). Стержнем повествования является пустой гроб и воскресший Господь (28:1–10). Все происходящее имеет прямое отношение к этому: и стража, которую поставили у гроба (27:62—66), и отчет стражи (28:11 — 15), и погребение Иисуса (27:57–61), и встреча с воскресшим Иисусом, Который дает ученикам Великое поручение (28:16–20).

27:57—61 Погребение Иисуса (см.: Мк. 15:42; Лк. 23:50—55). Тела распятых обычно забирались для захоронения, в лучшем случае на общественном кладбище. Погребением Иисуса *в новом своем гробе* Иосиф продемонстрировал свою принадлежность к Его ученикам. Вокруг Иерусалима и поныне сохранилось много семейных гробниц этого периода, в пещерах, вырубленных в скалах с небольшим входом (закрытым большим камнем), в которых можно захоронить несколько тел (новый фоб Иосифа поэтому означает, что там еще никого не захоронили). Только *богатый человек* мог позволить себе иметь фамильный склеп так близко от столицы.

27:62–66 Охрана гробницы. Только Матфей упоминает о страже. Он вынужден был сделать это во избежание лжесвидетельств, которые уже появились (28:15). Присутствие стражи призвано подчеркнуть масштаб свершившегося чуда воскресения Иисуса.

День, который следует за пятницей (днем приготовления), — т. е. суббота. *Первосвященники и фарисеи* (знаменательно, что враждовавшие между собой две группы все еще объединяла вражда против Иисуса) нарушили субботный покой, собравшись у Пилата, дабы убедить его поставить надежную охрану гробницы. Возможно, Иуда предупредил их о

неоднократном предсказании Иисуса воскреснуть на третий день (*после трех дней воскресну*). Стража, состоящая из трех римских воинов, должна была обеспечить надежную охрану.

Примечание. 64 Первый обман они относят к мессианским притязаниям Иисуса, последний — к возможности сфабриковать «воскресение» для подтверждения Своего мессианства.

28:1—10 Пустая гробница и воскресший Господь (ср.: Мк. 16:1—8; Лк. 24:1—11). Здесь говорится не о том, как Иисус восстал из мертвых, а о том, как был обнаружен факт Его воскресения. Чудо, которое произошло, когда ангел отвалил камень от входа в гробницу, было не для освобождения Иисуса, а для того, чтобы женщины могли увидеть пустую гробницу. Все евангелисты по-разному описывают, как все обнаружилось, но ни один из них не описывает самого события.

В отличие от иудейских первосвященников и старейшин, женщины, как и положено, покоились в субботу. Теперь же они могли вернуться и *посмотреть гроб*. Матфей не пишет, что они намеревались войти вовнутрь. Но появление Ангела Господня (что на библейском языке равносильно Самому Богу; Дан. 7:9; 10:6) изменило их планы. Он пришел показать им, что Иисус уже воскрес, а потому Ангел отодвинул камень и показал им пустую гробницу, где был положен Иисус. Женщины, должно быть, не очень удивились, поскольку слышали от Него об этом, а Ангел просто пришел напомнить им (7) об особом обетовании Иисуса снова встретить Своих учеников в Галилее (26:32). Страх и радость, которые охватили женщин, были естественными чувствами в этой ситуации. Вид Ангела привел их в благоговейный трепет (4), а отсутствие тела Иисуса привело в отчаяние. Но, вопреки своей растерянности, они не потеряли присутствия духа и надежды снова увидеть Иисуса.

Ученики Иисуса должны были ожидать Его в Галилее, в отличие от женщин. Только у Мф. говорится, что они встретили воскресшего Иисуса (9,10; хотя то, что *они ухватились за ноги Его*, а также просьба возвестить Своим *братьям*, напоминают нам о Марии Магдалине из Ин. 20:17). В обществе, где женщины были людьми второго сорта, их ведущая роль как очевидцев представляется удивительной. Иисус повторил сказанное Ангелом, добавив от Себя: *возвестите братьям Моим*; после отречения, которое описывается в 26:56, это были слова живого ободрения.

28:11—15 Сообщение охраны. Хотя наш взор сосредоточен теперь на Галилее и триумфе воскресшего Господа, Матфей дает нам возможность бросить последний взгляд на город, на Иерусалим с его правителями, предпринимающими лихорадочные попытки уладить дело. Таким образом, Матфей готовит нас к последней сцене, где достигает своего кульминационного момента противопоставление Галилеи и Иерусалима, которое красной нитью проходит через все Евангелие.

Нужно было дать крупную сумму денег (*довольно денег*) воинам, чтобы они заявили, что уснули на посту, а это было серьезным преступлением. Но репутация Пилата была хорошо известна: если бы история достигла его ушей, он вполне удовольствовался бы соответствующей взяткой. Иустин сообщает, что такие истории еще циркулировали в обществе, чтобы дискредитировать факт пустой гробницы.

28:16—20 Иисус провозглашает Свою верховную власть. Снова все возвращается в Галилею. Здесь христианская миссия начинает свой старт, благодаря встрече учеников с воскресшим Иисусом, Который провозглашает Свою верховную власть *на небе и на земле*. Язык ст. 18 снова восходит к Дан. 7:14, но если более ранние ссылки указывали на будущее исполнение пророчества Даниила о вселенском верховенстве Сына Человеческого, то здесь оно уже воплотилось в жизнь.

Как верховный владыка Иисус теперь посылает Своих учеников нести Его весть всему миру. Суть этого великого поручения выражена двумя причастиями: *крестя* и *уча*. Он призывает учеников не просто формально откликнуться на Его призыв, но полностью посвятить свою жизнь выполнению Его поручения — служению новому обществу (которое символизирует крещение), и соблюдать все, что Он им повелел. В своей миссии они неизменно будут ощущать присутствие того, Кто ранее говорил им: «Где двое или трое

собраны во имя Мое, там Я посреди них» (18:20). *С вами:* мощное эхо имени Еммануил: «с нами Бог» (1:23). Таков Иисус!

Примечания. 16 Фраза *одиннадцать же учеников* ясно указывает на отсутствие среди них Иуды, но и на несомненное присутствие Петра, несмотря на его отречение от Иисуса. **17** *Усумнились*. То же слово, что и в 14:31; оно отражает не интеллектуальное сомнение или неверие, а некоторые колебания, вызванные невероятными, непостижимыми обстоятельствами. **18** Примечателен разительный контраст с текстами 4:8,9; сатана мог проявлять свою власть только *на земле* ! **19** *Во имяТого*, чьим именем крестят. Тринитарная «формула» крещения впечатляет: нигде в Новом Завет она не встречается в таком ясном виде, хотя тесные отношения Сына с Отцом отчетливо показаны в 11:27; 24:36. Три Личности Божества участвовали в собственном крещении Иисуса (3:16,17).

R. T. France